

Лариса Кириллина

АЛУЭССА

"Хранительница" - Часть 5

16+

Лариса Кириллина

Алуэсса

«Автор»

2022

Кириллина Л. В.

Алуэсса / Л. В. Кириллина — «Автор», 2022

«Алуэсса» — пятая часть цикла фантастических романов «Хранительница». Дальний космос, высокие технологии — и принцесса Иссоа, в которой ожили древние гены таинственных алуэсс — певчих океанид с погибшей планеты Уйлоа. Принц и ученый-космолингвист Ульвен Киофар Джеджидд, брат Иссоа, организует археологическую экспедицию, чтобы выяснить правду об алуэссах. На планете Лиенна, где воссоздано подобие уйлоанской империи, эта правда оказывается смертельно опасной...

© Кириллина Л. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Мой круг	5
Pro domo	7
Взрослые и дети	11
Старт	17
Карты судьбы	20
Находки на острове	24
Сеннайские девы	28
«Если»	33
Тайник	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Кириллина

Алуэсса

Мой круг

Все привыкли к тому, что я веселая и заводная. Но в этой части моих записок будет много печального. Впрочем, характер у меня не изменился, и душа осталась всё той же. Только я теперь совсем уже взрослая.

Меня почти уже никто не зовет как девчонку – Юла. Разве что папа и мой младший братец Виктор. Для своих коллег и студентов в Межгалактическом колледже космолингвистики я – «магистр Цветанова-Флорес». Для моего учителя и членов его семьи я – Юлия (кое-кто произносит по-уйлоански распевно, «Юллиаа»). Для моих дочерей, Лауры и Валерии, – просто «мама». Для мужа, Карла-Макса, – то «Юльхен», то «чокнутая валькирия» (verrückte Walküre), то, когда он хочет призвать меня к приличиям – «баронесса». Ну да, баронесса Юлия Лаура Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн. Это тоже я. Так записано в документах и во всех базах данных Межгалактического альянса разумных миров. А мой муж – барон Карл Максимилиан с тем же звучным набором фамилий. А его отец – барон Максимилиан Александр. Оба они – известные космоплаватели, что на самом деле гораздо важнее баронского титула.

Среди моих близких друзей есть и куда более высокопоставленные особы. Это семья Киофар – потомки императорской династии с погибшей планеты Уйлоа. Правда, они вообще-то не люди. Но я никогда не стала бы обзывать их уродливым словом «гуманоиды». Нет, они просто немного другие на вид. Их кожа не розовая, как у нас, а серо-зеленоватая. У них три глаза (верхний отличается цветом от нижних и имеет другие функции), на голове нет волос, зато есть нечто вроде гибкого панциря, похожего издали на темную шапочку.

Для меня различия в нашей внешности не имеют значения. Совсем никакого. И если у кого-то имеются предрассудки на сей счет, лучше дальше вообще не читать. Ведь речь в этой книге пойдет в основном о них, уйлоанцах.

Мой учитель, профессор космолингвистики Ульвен Киофар Уликенсс Джеджида – не только со-ректор Тиатарского межгалактического университета, но и принц императорской крови и верховный иерофант уйлоанской общины. Своих титулов он никогда не использует официально, поскольку на Тиатаре нет и не может быть никаких монархов: здесь изначально установился коллегиальный принцип управления.

В университете – два равноправных выборных ректора. Второй – профессор Уиссхаиньщц, куратор Тиатары от Межгалактического альянса разумных миров. Он с планеты Аис, а значит, не только не человек, но даже не гуманоид, и почти на всех, включая меня, производит устрашающее впечатление. Мне мерещится, будто профессор Уиссхаиньщц – порождение темной материи. Разумом я понимаю, что такого не может быть, коль скоро он живет в нашем мире. Лично ко мне Уиссхаиньщц относится как минимум с интересом, если не с определенной симпатией. И всё равно я не хотела бы с ним регулярно встречаться. А моему учителю это делать приходится. Но Ульвен говорит, что никакой мистической жути в присутствии Уиссхаиньщца не испытывает, и если договориться с ним о чем-либо получается не всегда и не сразу, то причина не в inferнальной натуре коллеги, а в ином устройстве его разума и восприятия.

Во Вселенной существует еще одна планета, Лиенна, на которую Межгалактический альянс переселил другую часть уйлоанцев, пожелавших покинуть свой погибающий мир. Лиенна и Тиатара разделены таким немислимим расстоянием, что между двумя диаспорами очень долгое время не было никаких контактов. Да и сейчас просто так взять и слетать друг к другу

в гости нельзя, для столь дальнего путешествия потребовалось бы содействие самых высокотехнологичных цивилизаций Альянса, но они не занимаются ни пассажирскими перевозками, ни, тем более, благотворительностью, а затраты оказались бы поистине астрономическими.

На Тиатару уйлоанцы попали почти случайно – каким образом, я когда-то рассказывала. А Лиенну руководство Межгалактического альянса специально выбрало для колонизации, подобрав такую планету, которая максимально походила бы на Уйлоа. И если на Тиатаре принципиально избегали единовластия, то на Лиенне оказалась скрупулезно воссоздана Уйлоанская империя со всеми ее институтами – за исключением живого монарха. Кровные родственники императора Уликена Последнего уцелели лишь на Тиатаре. На Лиенне же культивировалась почти религиозная вера в абстрактного «звездного императора», который чудесным образом спасся и обитает в глубинах Вселенной. Вероятно, многим лиеннцам эта идея пришлась по душе, иначе там возникла бы череда самозванцев. В отсутствие «звездного императора» на Лиенне существовал (и сейчас существует) Императорский дворец, работали (и сейчас работают) Императорский университет, Императорская академия наук, Императорская государственная библиотека, Императорский госпиталь, Императорский космопорт, и так далее.

Принц Ульвен Киофар Уликенсс Джеджидд много лет ничего про это не знал, а когда, наконец, узнал, наотрез отказался обсуждать свой возможный визит на Лиенну. «Я же не сумасшедший», – сказал он нам, и я навсегда запомнила укоризненный тон, которым он произнес эту фразу. Власть со всеми регалиями его никогда не прельщала, хотя, став ректором, он обнаружил несомненный талант стратега и администратора.

О Лиеннской империи и культе «звездного императора» ему рассказали профессор Лаон Саонс и его дочь Илассиа, с которыми Ульвен познакомился в Виссеванском межгалактическом университете, где он защищал свою докторскую диссертацию. Профессор Саонс был одним из его оппонентов, а Илассиа влюбилась в «звездного императора» с первого взгляда и ради него прилетела на Тиатару как стажер-магистрант (она занималась и занимается биоэтикой). Вскоре она добилась желаемого: Ульвен женился на ней, ко всеобщему удовольствию. Несмотря на незнатное происхождение, Илассиа оказалась идеальной принцессой, и отлично могла бы справиться с ролью императрицы. Но Ульвен по-прежнему не желает даже слышать об этом. Свои научные труды он публикует под псевдонимом «профессор Джеджидд», а его жена преподает в университете как «магистр Илассиа Саонс». Лаон Саонс теперь тоже здесь, он профессор истории, специализирующийся на культуре Уйлоа.

Я поясняю все эти подробности для своих возможных читателей, если вдруг такие найдутся. Пишу в основном для себя, и выходит скорее дневник, чем роман. На моих глазах происходило столь много захватывающих событий, что жаль будет, если пережитое канет в вечность вместе со мной.

Pro domo

Для меня семья Киофар – не просто привычный дружеский круг, в который учитель ввел меня, когда я была шестнадцатилетней девочкой, его подопечной в Колледже космолингвистики. Я всегда легко завязывала приятельские отношения с самыми необычными существами, но тут возникла душевная близость, какой я раньше не знала. Моими подругами стали младшая сестра Ульвена, Иссоа, и его племянница Маилла, которая ныне – госпожа Маилла Ниссэй, супруга доктора астрономии Ассена Ниссэя и мать двух мальчиков-близнецов, Ульфара и Массена. Когда появилась Илассиа, я смогла подружиться и с ней, хотя она, честно сказать, ревновала меня к Ульвену.

И... сейчас я сложу нечто вроде оды в честь дома семьи Киофар. Не в стихах, конечно, а в прозе. И назову по-латински торжественно: Pro Domo – «О Доме».

Этот дом для меня – особенный.

Когда меня сюда ввели, я понятия не имела, что мой опекун не просто принц, а еще и иерофант, в обязанности которого входит проводить сакральные церемонии у очага, запретные для посторонних. Только после того, как мы с Ульвеном едва не погибли в спасательной экспедиции, для меня, инопланетянки, сделали исключение: наша с Карлом свадьба сопровождалась торжественной церемонией, к которой учитель нас долго готовил.

После всего, что мне довелось пережить и прочувствовать во время обряда, я начала воспринимать дом семьи Киофар как священное место, а не просто как обиталище тех, кто мне очень дорог.

Однако дом – не храм. Здесь течет обычная жизнь, пусть и подчиненная этикету. Появиться без приглашения могут лишь близкие родственники, а приглашение получить не так-то просто. Требуется одеваться надлежащим образом и вести себя соответственно. Почтенная дама (и тем более девушка) не должна оставаться наедине ни с хозяином дома, принцем Ульвеном, ни с другим мужчиной, не принадлежащим к ее семье.

Если свыкнуться с правилами, то вскоре они начинают ощущаться как совершенно естественные. Ты уважаешь хозяев, они уважают тебя, – в остальном же царит дружелюбие и сердечность.

В доме принца Ульвена я чувствую себя как под собственным кровом. Я не только часто бывала здесь в гостях на семейных праздниках, но и много раз ночевала, и даже подолгу жила – в дни как счастья, так и несчастья. После смерти моей мамы, когда Карл с бароном Максимилианом Александром находились в экспедиции на планете Ликанос и почти не имели связи со мной, Ульвен приютил меня с новорожденными дочками, папой и братом, и мы провели тут два месяца. Из его кабинета я вела занятия со студентами в Колледже – учитель понимал, что, если я брошу работу, это может сломить меня окончательно. Хотя сам Ульвен и Илассиа жили в то время в ректорской резиденции, а хозяйкой в доме семьи Киофар осталась принцесса Иссоа, мне казалось, что дом меня принял, и я со всеми моими родными нахожусь под его постоянной защитой. Это так необычайно и так отрандно!

До этого я была, по сути, бездомной скиталицей.

Во всей необъятной Вселенной не существовало другого места, которое я могла бы считать своим домом, и в которое мне хотелось бы время от времени возвращаться.

С Земли меня увезли, когда мне исполнилось семь лет. Мои родители работали в разных космопортах, и наши квартиры или коттеджи были служебными. Меня тогда это совершенно не волновало, мне нравились частые переезды. У бабушек – Юлии Анатольевны и Хулианы Гарсиа Флорес – я обычно гостила летом, и тоже воспринимала их дома в Подмоскowie и на Юкатане как временное пристанище.

Потом – четыре года на орбитальной станции «Энцелад-Эврика», которая меньше всего походила на обычный человеческий дом. В нашем крохотном семейном отсеке было тесно, и мы в нем лишь спали или беседовали перед сном – смотрели видео, играли в тихие игры, делились мыслями и впечатлениями. Никаких неудобств я при этом не чувствовала. Мне хватало живого общения, а всякое, как я думала, «барахло», меня несколько не интересовало.

Предложение полететь с родителями на Арпадан я восприняла как потрясающее приключение. Там нас ждала квартира в секторе, предназначенном для землян. Прихожая, две комнаты, кухонька (она же столовая), санузел с нормальным душем, – после закутка на орбитальной станции мне казалось: просто хоромы! Мы даже могли приглашать к себе одного-двух гостей!

Вещей у нас по-прежнему набиралось немного. Костюмы и платья из настоящей материи имелись только у папы и мамы, а я обходилась дешевой синтетикой из пульверизатора-пшикалки – поносил, испачкал и выбросил на переработку, не помышляя о штопке и стирке. Впрочем, знакомые иногда отдавали мне чьи-то куртки, футболки или штаны, и я без раздумий всё это носила. Меня несколько не смущал мой мальчиговатый вид. Окружающим инопланетянам было всё равно, как я выгляжу. Лишь однажды, когда барон Максимилиан Александр пригласил меня на музыкальный вечер, я вдруг обнаружила, что надеть мне совершенно нечего, и даже заплакала от досады – но выход мы с мамой нашли, хотя, если честно, в той юкатекской блузке уместнее было бы появиться на карнавале. Решив, что главное мое украшение – неплохие мозги, я вернулась к обычному пацанскому стилю. И только попав под опеку Ульвена, я усвоила, что порядочной девушке не подобает выглядеть, будто она только что с кем-нибудь подралась, а в доме принца вообще надлежит носить исключительно длинные платья. Ну ладно, у себя-то я по-прежнему иногда щеголяю в штанах и футболке, позаимствованных у мужа.

После свадьбы с Карлом у нас появился семейный дом в Витанове —городке, основанном некогда переселенцами с Земли. Дом мы долгое время снимали и ощущали себя жильцами, а не хозяевами. К тому же в нем обитали фактически три семьи: мы с Карлом, его отец барон Максимилиан Александр, и мои родители с братиком Виктором. Я опять оказалась в привычной мне атмосфере суматошного общежития. Роль хозяйки играла мама, а все остальные ей подыгрывали в меру времени, сил и таланта. Из меня помощница получалась неважная, я с головой ушла в свои новые обязанности молодой жены любимого мужа и новоиспеченного магистра космолингвистики. Лишь после смерти мамы, когда прошли два самых тяжелых месяца, проведенных мною в доме Ульвена, я взяла на себя управление нашим семейным кораблем, оставшимся без умелого капитана. И мы, посоветовавшись с бароном Максимилианом Александром и с папой, решили купить этот дом в Витанове и перестроить его на собственный вкус. Однако превратиться в рачительную хозяйку не получилось: я по-прежнему много работала, и почти все обязанности по дому достались папе, который ушел в отставку, чтобы помочь мне с детьми. Их ведь было не двое, а трое, брат Виктор тоже нуждался в ежедневном присмотре. Они с папой были очень близки, и хотя брату нравилось, когда я вечерами его обнимала и и шепталась с ним по-испански, как это делала мама, он уже ощущал себя маленьким мужчиной и стыдился проявлять при мне слабость или лезть ко мне с детскими ласками.

Я никогда не испытывала тоски по Земле. Временами в памяти возникали живые картины той реальности, которую я запомнила в детстве. Но смотрелось это как фрагменты старинного кинофильма. Если бы попала на Землю, наверное, я ощущала бы себя там как на совершенно новой для меня планете. И что бы я стала делать? При моем веселом характере я, конечно, смогла бы завести много новых друзей. Однако покинуть Тиатару значило бы навсегда расстаться с Ульвеном. А этого я ну никак не хотела. Разговоры о том, что мы с ним всё равно останемся связаны, даже разлетевшись по разные стороны необъятной Вселенной, не могли служить утешением. Страшно было представить себе, что я никогда не увижу его, не войду в этот дом, не смогу наслаждаться беседами на всех известных нам языках, и между

нами не вспыхнут наши знаменитые стычки с их неизменной финальной фразой: «Извините, учитель, больше не повторится»... Как это – не повторится?..

Папа с Виктором не могли относиться к Ульвену так, как я. Несомненно, папа тоже был благодарен ему за всё, что он сделал для нас, и глубоко его уважал, но держался с ним несколько отстраненно. Моей искренней вовлеченности в дела семьи Киофар папа не понимал. Уйлоанского языка он так и не выучил, кроме нескольких самых необходимых фраз. С Ульвеном он общался на космолингве, а иногда на английском. Виктор же поначалу вообще побаивался уйлоанцев: на Арпадане он их не видел, хотя там встречались и существа с куда более странной наружностью. Но те причудливые создания изъяснялись на космолингве при помощи лингво-чипов, и это воспринималось нормально: чужие и есть чужие, поэтому речь у них механическая. А в доме знаменитого космолингвиста лингво-чипы, как правило, не использовались, зато сам Ульвен хорошо говорил на многих земных языках, особенно на немецком и на английском, и это, в сочетании с его нечеловеческой внешностью, вызывало оторопь у моего малолетнего брата. Я решила, что Виктору там неинтересно, и перестала его с собой привозить. В Витанове у него появился приятель, мальчик Тадди, сын наших соседей, Джона и Мери, и они превосходно проводят время и в школе, и во дворе, и в гостях друг у друга.

Преподавание в Колледже приносит мне не только радость, но и приличные деньги. Не знаю, столько же или больше получал Ульвен, когда был магистром. Для меня мое жалование всякий раз оказывается каким-то сюрпризом, и, когда оно поступает на мой виртуальный счет, я люблюсь красивыми многозначными числами. Я легко могу содержать всю нашу большую семью так, чтобы мы ни в чем не нуждались.

Деньги Карла и барона Максимилиана Александра распределяются между домашними тратами и содержанием их любимого космолета «Гране». Я настаивала на том, чтобы они вкладывались только в «Гране», с домом я как-нибудь справлюсь сама, но они со своей немецкой педантичностью продолжают переводить мне на счет установленную ими самими сумму, предназначенную для семейных надобностей. Папа намеревался поступить точно так же, однако тут я вмешалась: если он действительно хочет со временем возвратиться на Землю, деньги будут нужны огромные. Межгалактический альянс оплатил им полет с Арпадана лишь в одну сторону, на Тиатару, а отсюда на Землю уже – за свой счет. Пусть он откладывает свою пенсию бывшего консула – она тоже немаленькая, а если и тогда не хватит средств для столь дальнего путешествия, мы поможем – бароны согласны.

В глубине души я уже не верю, что папа в самом деле однажды погрузится в космолет вместе с Виктором и отправится на родную планету. Зачем? Чтобы там состариться и умереть? Чем плоха для этого Тиатара? Но лишать человека возможности порассуждать о самой вероятности возвращения тоже неправильно. Никакие пути не должны оставаться закрытыми! В том числе для меня.

Я должна была всё это объяснить, чтобы стало понятно, почему мой собственный дом в Витанове я не воспринимаю как нечто священное и незыблемое. Если обстоятельства резко изменятся, я смогу с ним расстаться без лишних эмоций.

Дом семьи Киофар – совершенно другое дело.

Он – единственный в целой Вселенной. Я ощущаю себя причастной ко всем его тайнам. Я люблю его облик, непохожий на земные дома, люблю его зеленоватые стены, люблю извилистость линий всех интерьеров и всех поверхностей. Люблю непривычную конфигурацию двух смежных гостиных. Люблю витую лестницу наверх. Люблю затейливые императорские вензеля на дверях Ульвена и его покойной матушки, госпожи Файоллы (теперь ее апартаменты занимает Илассиа). Люблю все комнаты, в которых я тут жила одна или с Карлом, от маленькой гостевой с кроватью-корабликом до просторной супружеской спальни. Люблю все старинные вещи, часть которых привезена с погибшей Уйлоа, а часть изготовлена на Тиатаре по соответствующим фотографиям: сундуки, светильники, столовую утварь. Люблю царя-

щий везде полумрак, словно под поверхностью океана, и прохладную влажность, разлитую в воздухе. Люблю тот самый очаг, который зажигается только для церемоний, не подлежащих огласке. Люблю это невероятное сочетание современной техники и глубокой архаики, упоительных разговоров на ученые темы и придворного этикета. Люблю уйлоанскую кухню и уйлоанскую музыку. Люблю певучий уйлоанский язык, которым я теперь владею как уйлоанская аристократка (еще бы, меня учил его высочество принц!). Люблю носить уйлоанские платья со множеством складочек. Люблю примыкающий к дому двор с мощеной дорожкой, на которой я знаю каждый камень, с деревьями, цветником и кустами, и с бассейном неправильной формы, в котором я нередко плавала вместе с Иссоа.

Я люблю этот дом, и люблю всех, кто в нем обитает. Теперь-то уж можно об этом сказать без ущерба для чьей-либо репутации. Впрочем, нет: вслух по-прежнему очень много чего говорить нельзя, даже такому непокладистому существу, как я, и вовсе не потому, что на меня с укором посмотрит Илассиа. Просто нет таких слов ни в одном языке, которые в данном случае окажутся единственно правильными. Бывают случаи, когда опытный переводчик должен не говорить, а молчать. Извините, учитель, уже умолкаю.

Взрослые и дети

После того, как наша с Карлом приятельница Фатима Сантини-Рунге, ведущий специалист по биогенетике из Института космобиологии на Арпадане, выяснила, что в генах семьи Киофар присутствуют некие аномалии, и сильнее всего они проявляются у принцессы Иссоа, главной темой наших бесед оставалась проблема наследия и наследственности.

Еще до присылки на Тиатару материалов Фатимы постепенно вызревало решение, которое покончило бы с неопределенностью в передаче прав на императорский титул. У Ульвена, как все мы знали, не могло быть детей, потому что мы с ним во время спасательной миссии на Сирону подверглись космическому облучению. Нам с Карлом удалось перехитрить судьбу с помощью биокоррекции моих клеток и искусственного оплодотворения. Ульвен не мог прибегнуть к этому средству. В его случае оно оказалось бы бесполезным.

Это значило, что на нем прервется династия.

Какое-то время он обдумывал предложение своей племянницы Маиллы Ниссэй: усыновить одного из двух ее сыновей, Ульфара или Массена. Но рассудив хладнокровно, Ульвен отказался от этой вроде бы очевидной идеи. Мальчики – близнецы. Между ними могла начаться вражда не на жизнь, а на смерть. А если и не вражда, то обычная зависть и ревность.

Он решил объявить наследницей принцессу Иссоа. Да, она не мужчина, а женщина, однако в нынешнем мире это уже не имело такого значения, как в древности.

И тут обнаружилось, что Иссоа – существо, природа которого отличается от природы других уйлоанцев.

Она – алуэсса.

В прежних частях моих записок я уже объясняла, что алуэссы считались мифическими персонажами, уйлоанскими океанидами, певицами и пророчицами, прекрасными и опасными, предания о которых запечатлены в выдающемся памятнике уйлоанской поэзии – «Уйлоаа алуэссией инниа», или, в переводе на космолингву, «Песни уйлоанских океанид».

Можно возразить, что при постоянных контактах между разными цивилизациями сейчас никого уже не удивишь существами самых причудливых форм. Я сама с кем только не общалась!

Но речь-то шла не о разных космических расах. А о внезапной мутации внутри одной уйлоанской семьи. Причем семьи императорской, где очень тщательно соблюдали законы преемственности. Титул наследовал старший законнорожденный сын, и до сих пор традиция не прерывалась.

У самого Ульвена эти гены тоже присутствовали, но не преобладали. Однако ими могли объясняться его лингвистические таланты, необыкновенная память, способность воспроизводить почти любую фонетику, – наконец, пристрастие к музыке и поэзии. Невзирая на занятость, он сохранил за собой в Колледже курс поэтического перевода. Сам Ульвен стихов не слагал – но откуда мне точно знать?.. В его внутреннем мире были сферы, куда он никого не пускал. Иссоа сообщила мне, что именно брат обучал ее музыке. Но ни разу при нас, своих близких друзьях, он не пел и не играл – якобы, музыка обнажает глубины души, а при его положении в обществе это непозволительно и даже опасно. На Иссоа этот запрет почему-то не распространялся. Неужели он уже тогда понимал, что она – другая, пускай поёт, ибо не петь алуэсса не может?.. А заглянуть ей в душу ни у кого из земных существ не получится.

Внешне она не так уж сильно отличается от других уйлоанцев. Родные надеялись, что с возрастом некоторые особенности уйдут, – как у нас, людей, исчезает младенческая синеглазость. Но облик Иссоа по мере взросления становился всё более своеобразным. Цвет ее кожи зеленой, чем у брата и у старшей сестры Ильоа. Сама кожа – плотней, а чешуйчатость

выражена отчетливее. Перепонки между пальцами не кажутся атавистическими, а подушечки на пальцах снабжены мельчайшими розовыми присосками (на руках Ульвена они почти не заметны). Изумительные глаза Иссоа не голубые, как у старшей сестры Ильоа и племянницы Маиллы, и не серо-коричневые, как у брата, а бирюзово-аквамариновые. Ободки вокруг глаз – золотистые, а не темные.

Сама Иссоа восприняла новость с Арпадана как должное. Она вообще обладала спокойным нравом, хотя отнюдь не была безвольной. С виду – нежное и застенчивое существо, а во время церемонии у очага – величавая иерофантесса. Кое в чем – наивная девочка, но притом наделенная мудрым и почти всеведущим сердцем.

Брат с сестрой очень любят друг друга. Я знала, как сильно умеет любить Ульвен, хотя он никогда не выказывал внешних признаков обуревавших его страстей. Он не стал бы ни навязывать свою волю Иссоа, ни причинять ей другое насилие. Если она согласилась стать принцессой-наследницей и снять с него бремя ответственности за судьбу династии, то вовсе не потому, что он так приказал, а потому, что она сама так решила.

Но как быть, если она – алуэсса?..

Ульвен считал: нечестно и даже преступно скрывать генетические особенности принцессы-наследницы от всех, причастных к событиям в императорском доме. Однако и разглашать эту тайну прямо сейчас он совсем не хотел. Семья Киофар в ее нынешнем виде и так уже прослыла сумасбродной. Уйлоанская община Тиатары могла не принять алуэссу в роли продолжательницы династии и потребовать передачи титула одному из племянников либо кузенов принца Ульвена. В этих случаях связь тоже шла бы по женской линии, причем косвенной, однако все предполагаемые кандидаты не несли в себе роковых генетических аномалий.

Информацию стоило бы еще раз изучить и перепроверить.

Как ученый, Ульвен настаивал на продолжении исследований. Об этом мы и говорили на наших встречах, куда приглашали только ближайших родственников и друзей.

На сей раз мы сидели в малой гостиной, где когда-то Ульвен показал нам материалы Фатимы. Нас было больше, чем в тот раз: к нам присоединились барон Максимилиан Александр и Маилла.

За окном раздавался детский хохот и визг: четверо малышей развились в бассейне. Осторожности ради в водоеме было сделано съёмное мелкое дно, чтобы дети не утонули. Но за ними всё равно наблюдали двое взрослых – Ассен и мой папа. Близнецы Ассена и Маиллы, Ульфар и Массен, играли с моими двойняшками, Лаурой и Валерией. Уйлоанцы, даже такие маленькие, от природы умеют нырять и плавать, а моих девочек надо учить, они уже держатся на воде, но плавают неуверенно. В остальном же – дети как дети. Ассен объяснил своим сорванцам, что при первой попытке опасного баловства они будут наказаны, причем не только им самим, а «дядей Ульвеном». Папу они, очевидно, не очень боялись. Зато мои дочери совсем не боялись Ульвена. Он их откровенно баловал.

Заслушавшись детскими криками, я пропустила начало рассказа доктора Келлена Саонса и очнулась лишь на словах «...ваши уважаемые кузены». А, те самые, братья покойной госпожи Файоллы?.. Или их сыновья?.. Да, наверное, сыновья.

– Эта линия не обнаруживает той удивительной наследственности, которая выявлена доктором Сантини-Рунге, – продолжал Келлен Саонс. – Поэтому нет оснований предполагать, что гены иной природы, господин Киофар, вам могли достаться от матери.

– Вы уже предложили провериться моей старшей сестре?

– Нет еще, господин Киофар. Она ведь живет не здесь, и у меня нет повода беспокоить ее просто так.

– Дядя, давай, я сама скажу ей, будто выявлен, например, некий сбой в наших генах, поэтому нужно, чтобы она тоже сдала анализы в Тиастелле.

– Хорошо, Маилла, скажи. Полагаюсь на твое хваленое благоразумие и надеюсь, ты не откроешь Ильоа, какие мы ищем гены.

– Скорее всего, они у нее тоже есть, раз есть у меня. Но вряд ли столь ярко выраженные, как у тебя и Иссоа. Мы с мамой точно не алуэссы. Я, как ты видишь, сумела родить двух мальчишек.

– За это следует сказать спасибо Ассену.

– С алуэссой у него бы получились две девочки.

– Может быть, Юлия – алуэсса? – пошутил Ульвен.

– Нет, что вы, учитель, я плохо плаваю! – возразила я. – И пою так себе...

– Зато превосходно летаете.

Я хотела вернуть «исключительно с вами», но решила, что намек на челнок без руля, в котором мы с ним мчались навстречу смерти, прозвучал бы слишком болезненно. И я ответила:

– Вот куплю себе флаер и назову его «Чокнутая валькирия» – тогда вы оцените мои виражи!

Он взглянул на меня с одобрением. Несомненно, он понял и оценил уловку с подменой.

– Кстати, друг мой, что слышно насчет экспедиции? – спросил барон Максимилиан Александр.

– Переговоры ведутся.

– Я хотел бы попасть в команду, – сказал Карл.

– Непременно на «Гране»? – поинтересовался Ульвен.

– Как угодно. Но «Гране», мне кажется, тоже стоит привлечь. Для космолета с таким оснащением заурядные рейсы на орбитальную платформу Сулеты – все равно как для вас обучение школьников грамоте.

– Дорогой мой Карл, я уже говорил вам, что вы сами вправе идти на любые риски, но я не могу посылать вас туда, где реально очень опасно. Прошу вас, не надо настаивать. Мне не хочется становиться виновником вашей гибели или тяжелой болезни. Я такого себе никогда не прошу.

– Но я с детства летал на «Гране» с отцом...

– Вы летали в обитаемые миры. Уйлоа – мертва. Вероятно, придется составлять экипаж из существ, которые мало чувствительны к радиации.

– Аисяне и виссеванцы?

– Но, Ваше величество, – вклинился в их диалог профессор Лаон Саонс. – Вы не можете мне запретить принимать участие в экспедиции! Там должен быть хотя бы один уйлоанец! Причем с надлежащим образованием! Я столько лет об этом мечтал, и вообще весь план был изначально мой собственный! Отстранять меня – это несправедливо!

– Спросите у Илассиа, – ответил кратко Ульвен.

– Я поддерживаю отца, – почти без раздумий ответила она. – Мне бы тоже хотелось участвовать, но я понимаю, что мне нельзя. Я обязана быть рядом с вами.

– Господин Киофар, – сказал барон Максимилиан Александр. – Нашим близким действительно стоит себя побересть ради будущего обеих семей. Относительно Карла вы полностью правы. Но я вынужден всё же настаивать на моем участии, если будет использован «Гране». После того, как космолет побывал в чужих и весьма небрежных руках, мне не хотелось бы уступить кому-либо место навигатора и капитана. Даже если экспедиция на Уйлоа станет последней в моей карьере, это достойное завершение.

Детский смех и визг за окном превратились вдруг в оглушительный рев с истошными воплями.

Я не выдержала и вскочила: «Извините, учитель, я быстро» – и понеслась посмотреть, что случилось в бассейне.

Драку двух мальчишек с двумя девчонками я уже не застала. Близнецов крепкой хваткой держал Ассен, а Лауру и Валерию обнимал мой папа – тем не менее, дети продолжали вопить как резаные, вне себя от ярости и обиды.

– Вам хочется, чтобы к вам вышла не тетя Юлия, а дядя Ульвен? – встряхнул Ассен сыновей.

Они мигом притихли, и только мои двойняшки продолжали хныкать.

– Дети, хватит! Давайте во что-нибудь поиграем! – предложила я.

– Мам, а чего они... – начала было Лаура, но я ее перебила: – Не злитесь, просто Ульфар и Массен не рассчитали сил, они не хотели сделать вам больно и не учли, что вы младше их. Правда, ребята?

Близнецы предпочли согласиться.

– Хотите дружить? Или вас лучше прямо сейчас рассадить по разным углам? – спросила я у обеих поссорившихся парочек.

– Дружить! – загалдели все четверо, мальчики на уйлоанском, Лаура на испанском, а Валерия на немецком.

– Отлично! Сейчас покажу вам игру «хоровод»!

Я построила их в кружок на лужайке вокруг фонтанчика и объяснила:

– Вы – четыре планеты, Тиатара, Сулета, Кална и Дунна, а это – ваше солнце Айни! Вращайтесь равномерно, но не очень быстро, и лучше под песенку! Папа, можешь им что-нибудь спеть?

Несколько ошарашенный папа начал напевать почему-то про ёлочку в зимнем лесу, но, поскольку Ассеновы дети не понимали по-русски, это отлично сгодилось.

Ассен тихонько спросил:

– Это ты примерно так занимаешься со своими студентами?

– Ну, почти, – засмеялась я. – Разница невелика. Только в Колледже не дерутся на лекциях.

Из гостиной вышла Маилла и, с изумлением понаблюдав за нашими играми, предложила сменить Ассена:

– Иди ко всем, прочти им краткую лекцию про заброшенные планеты... Похоже, там нужен специалист.

Когда мы с Ассеном вернулись в гостиную, разговор действительно шел о предполагаемых условиях на Уйлоа. Ассен объяснил, с чем там можно столкнуться, но сказал, что для точного понимания ситуации хорошо бы разжиться подробными картами. Которыми Севайская обсерватория не располагает – к Уйлоа после случившейся с ней катастрофы никто не летал, и в таких картах не было надобности.

– Придется просить со-ректора Уиссхайнцща, а он, вероятно, обратится к вышестоящим коллегам, координаторам или хранителям информации Межгалактического альянса, – согласился Ульвен.

– Но речь идет не только о нынешнем состоянии Уйлоа, где больше нет атмосферы, воды и растительного покрова, а о прошлом, – напомнил профессор Лаон Саонс. – Нам нужно точно знать, где искать остатки цивилизации. У меня при себе лишь немногие старые карты, не слишком подробные. Да и те при отлете с Лиенны мне позволили скопировать с невероятным трудом. Я знаю, у них есть карты со всеми координатами – когда-то они считались совершенно секретными, а сейчас хранятся в Императорском музее, в зале картографии. Вы вправе, Ваше величество, потребовать предоставления этих сведений.

– Да, но тогда они узнают, кто я такой, – ответил Ульвен.

– Вы по-прежнему не хотите огласки?

– Мне страшно даже вообразить себе, какие могут быть последствия, – признался он честно. – Такими словами не стоит разбрасываться.

– А если карты с Лиенны запросит Межгалактический альянс или Межгалактический совет по науке? – спросил Лаон Саонс.

– Это другое дело, – согласился Ульвен. – Вряд ли Императорский музей или нынешние власти Лиенны осмелятся отказать столь могущественным инстанциям.

– А профессор Уиссхаиньщ не заинтересовался прошлым Уйлоа, как историк цивилизаций?

– Разумеется, заинтересовался. Мне пришлось показать ему материалы доктора Сантини-Рунге. Водных цивилизаций и культур во Вселенной не так уж много. Последней из открытых была наммуанская. Но она, в отличие от культуры алуэсс, вполне реальная и живая. Профессор Уиссхаиньщ не археолог, однако он, как ученый, верно поставил вопрос: мы должны хорошо представлять себе, что именно мы хотим отыскать. Ископаемые останки, из которых можно извлечь генетический код? Какие-то обиталища алуэсс, если таковые существовали – вернее, очертания их руин? Изображения этих существ на памятниках сухопутной культуры? Ни домов, ни дворцов мы уже не найдем, но могут обнаружиться некие артефакты из нержавеющей металла, монеты, украшения, каменные рельефы. Наконец, архивные тексты. На последнее мало надежды, но, если в последние годы существования нашей планеты там действительно сооружались подземные убежища для семьи императора и хранилища ценностей, то попробовать отыскать их, пожалуй, стоило бы.

– Так ведь это уже готовый план экспедиции! – загорелся профессор Лаон Саонс.

– Которая затянулась бы на несколько лет, потребовала бы участия десятков, если не сотен, специалистов, привлечения множества кораблей, как дальних, так и легких, не говоря о роботах, дронах и прочей технике – и стоила бы совершенно немислимым средств, даже по астрономическим меркам. Межгалактический совет по науке не может ради этого остановить все другие проекты.

– Так пусть наша первая экспедиция станет чем-то вроде разведки, – предложил барон Максимилиан Александр. – Если она принесет результаты, можно будет продолжить исследования.

– Примерно это я и предложил профессору Уиссхаиньщцу, – согласился Ульвен.

Детские голоса и папино пение за окнами стихли. Поскольку наше дружеское совещание тоже само собой завершилось, мы вышли во двор. Все четверо детишек только что пообедали на лужайке и разлеглись вперемежку на коврике, готовые мирно заснуть.

– Отнесите их в комнаты, – сказал Ульвен. – А то перегреются.

Карл легко подхватил на руки Лауру и Валерию, Ассен – своих сыновей, и детей унесли наверх, в прохладные, затененные занавесками, спальни.

Я невольно кинула взгляд на Ульвена. Он оставался спокойным и доброжелательным. Но больно было представить себе, какие чувства испытывал он, глядя на этих детишек и зная, что своих у него никогда не будет. Когда я вспоминала об этом, я всегда ощущала себя виноватой, хотя он заверял меня, что, доведись ему еще раз пережить тот день, когда мы с ним отправились на Сирону, он не мог бы принять никакого другого решения: «Это был мой собственный выбор», – как сказал он Уиссхаиньщцу.

Может быть, госпожа Ильоа права, считая меня причиной бед в семье Киофар. Выбор, сделанный Ульвеном в мою пользу, когда он согласился принять опеку над забавной девочкой с Арпадана, сыграл злую шутку со всеми. Появившись на Тиатаре и войдя в его дом, я, сама того не желая, разрушила судьбы Ульвена и всех его близких. Менее всего я была искусительницей и губительницей. Я любила его с подростковой восторженностью, я любила Иссоа, я дружила с Маиллой и Ассеном, я всегда глубоко уважала госпожу Файоллу, я поддерживала Илассиа, я не нарушала законов этого дома, но всё это ничего не значило и ничего не меняло. Воссиявшее надо мной и Ульвеном «сюон-вэй-сюон» – двойное кольцо избранничества – обернулось теперь против нас. Ни один из нас не хотел от него избавиться – и не мог бы, даже если бы захотел.

Уничтожить это кольцо могло бы предательство или смерть. Но никто из нас не был способен предать другого, и никто не желал бы другому смерти.

Мои горестные размышления прервало появление еще двух гостей. Это были жена и сын доктора Келлена Саонса, госпожа Оллайя и доктор Эллаф. Их пригласили к обеду, и Ульвен встретил их чрезвычайно любезно, как если бы только их мы и ждали. Я так и не поняла, знает ли Эллаф, что его обожаемая Иссоа – алуэсса. Возможно, ему еще ничего не сказали, а он не решался спрашивать, о чем мы тут уже не в первый раз совещались своей довольно узкой компанией. Мне кажется, он любил бы ее, даже если бы выяснилось, что она генетический драконоид. Но благоговение перед Иссоа вынуждало его не заикаться о своей безысходной любви. Возможно, отец, доктор Келлен Саонс, уже намекнул ему, что Иссоа предстоит стать наследницей, и близок тот день, когда об этом объявят всей уйлоанской общине Тиатары.

На самом деле ничего еще не было ясно.

А пока дети спали, мы под дружеские разговоры обедали, и всё выглядело почти как прежде. Экскурсы в космолингвистику и астрономию, рассказы папы про Арпадан, воспоминания двух баронов об их экспедициях, наши с Ульвеном состязания в остроловии, к которым третьей часто присоединялась Маилла, изысканно чинные речи Илассиа, ученые реплики профессора Лаона Саонса и доктора Келлена Саонса... Эллаф молчал и смотрел на Иссоа. Иссоа не пела, но согласилась сыграть нам на скрипке.

Неожиданно это оказалась «Песня Сольвейг», которой обучил ее Карл. Теперь-то я не была так дико невежественна и знала, что Сольвейг – не очередная бывшая пассия моего дорогого мужа, как Фатима Сантини-Рунге, а художественный персонаж, воспетый старинным композитором Григом. Сольвейг, якобы, ждала своего любимого всю жизнь, пока не состарилась. И всё-таки дождалась.

Музыка даже без слов выражала любовь и страдание. Я не знаю, понял ли что-нибудь в ней Эллаф Саонс. Но Ульвен точно понял. Однако, поскольку слова не звучали, объяснить ничего не стал.

Старт

Пока готовилась экспедиция, текла обычная наша жизнь. Я работала, а в свободное время возилась с Лаурой и Валерией и проверяла школьные задания у Виктора. Папа к вечеру уставал от галдящих, носящихся по дому и иногда дерущихся деток, и шел к себе наверх смотреть старинные земные фильмы. Он однажды признался мне, что за много лет работы в иных мирах две реальности словно бы поменялись местами: обыденной стала инопланетная, а земная делалась чуть ли не экзотической. В тех фильмах герои курили, стреляли друг в друга, носили какие-то странные вещи (шуба, фрак, мундир), ездили на лошадях или на нелепых тархтящих автомобилях с бензиновым мотором... Да, папа знает, что на Земле давно всё не так. Но взглянуть развлечения ради забавно. Смешнее всего, когда герои тех фильмов отправляются в космос. Их летательные аппараты совершенно неправдоподобны. И внутри своих кораблей они ведут себя, словно в гостиной. Все с прическами и нарядные, пьют, едят, развлекаются... В другие миры летят без транскамер и биокамер. И спокойненько долетают, нисколько не изменившись.

Карл и барон Максимилиан Александр, посмотрев один фильм двадцать первого века про межпланетные путешествия, хохотали так, что разбудили наших девчушек. А ведь детки спят – хоть из пушек пали (впрочем, фразеологизм тоже не из здешней реальности). Муж и свёкр теперь практически поселились на космодроме и не всегда возвращаются в Витанову на ночь.

Бароны почти круглосуточно занимались подготовкой «Гране» к полету. Модернизация двигателя, усиление всей системы внешней защиты, установка дополнительных шлюзов и аппаратуры, приспособление рабочих мест, ложементов и спальных отсеков под нужды новых членов команды – гуманоидов и негуманоидов.

Ульвен, памятуя о давней моей отчаянной просьбе, высказанной после смерти мамы, – «не бросайте меня», – ежедневно звонил или слал сообщения, но обычно предельно краткие: «Юлия, как дела?». Я отвечала, что всё в порядке, дети и все остальные здоровы, и спрашивала, как дела у него самого и Илассиа (с Иссоа я перезванивалась регулярно). «Всё по-прежнему, дорогая, то есть вполне хорошо», – отвечал он. Иногда на этом всё и заканчивалось, а иногда мы еще говорили про Колледж. Я делилась с ним свежими новостями и сплетнями, он интересовался делами коллег и успехами самых одаренных студентов. Порой у меня возникали вопросы по курсу теории и практики перевода, он охотно на них отвечал – но чаще просил меня прислать их в письменном виде, а спустя день-другой я получала сжатые, однако весьма полезные и деловые инструкции. Никаких душевных бесед, никаких пикировок, вообще ничего выходящего за пределы обычной любезности. Но почему-то без этих ежевечерних обменов парой малозначительных фраз моя жизнь стала бы, вероятно, гораздо более скучной и пресной.

О ходе подготовки к экспедиции я узнавала от Карла и от барона Максимилиана Александра, когда они, наконец, появлялись дома – нередко поздно ночью. Я заваривала здешний чай (назовем это так), угощала их самодельными оладьями из фарфаровских концентратов (спасибо фирме от имени всех неумелых хозяек), и мы засиживались в столовой втроем, поскольку мой папа и дети давно уже видели сны.

К моему облегчению, Карла в экспедицию так и не взяли. Меня он не стал бы слушать, и даже Ульвена попытался бы уломать, но с начальством из Межгалактического научного совета не поспоришь. Всё решала целесообразность. В команде «Гране» всегда было шестеро, и Межгалактический совет расценил это количество участников экспедиции достаточным и разумным. А поскольку полет финансируется Советом, в составе исследователей обязательно должны присутствовать не одни только люди и уйлоанцы.

Присутствие обоих баронов сочли излишним, и выбор пал на старшего, Максимилиана Александра. Он – официальный владелец «Гране», он знает свой корабль как никто, он более опытный космоплаватель. Карл назначен дублером на случай внезапной болезни отца, но, скорее всего, ему лететь не придется. Максимилиан Александр, невзирая на возраст, в отличной физической и умственной форме. У барона к тому же имеется сертификат бакалавра космической медицины, и, хотя он не настоящий врач, он сумеет при надобности оказать первичную помощь при травмах и заболеваниях.

Второй пилот и по совместительству бортиженер-электронщик – аисянин Хашшошш (Хашшошшуайсс), он уже прибыл на Тиатару для знакомства с «Гране». Предполагается, что на Уйлоа барон Максимилиан Александр вообще не будет покидать космолета, дабы поменьше подвергаться воздействию радиации. А Хашшошш, напротив, сможет пилотировать флаер-челнок и руководить работами на поверхности – для него радиация не представляет опасности.

Третий участник полета – Саттун, моя бывшая приятельница по Колледжу, которая из космолингвистов ушла в космоплаватели. В команду ее взяли как бортиженера и техника, однако Саттун способна и выполнять работу пилота, особенно на спускаемом флаере-челноке. Поскольку Саттун не человек, а тактаи, она намного выносливее барона, да и вдвое моложе. На «Гране» она уже летала и показала высокий профессионализм и надежность. Двойная специализация тоже сыграла ей на руку: космолингвист в экспедиции будет не лишним, как для общения экипажа между собой, так и для расшифровки возможных текстовых находок.

Экспедиция на Уйлоа без настоящего уйлоанца воспринималась бы как курьез. Мечта профессора Лаона Саонса наконец-то исполнилась. После множества пройденных медицинских тестов он был сочтен годным к полету, несмотря на солидный возраст (они с бароном-отцом примерно ровесники). Ему, правда, не рекомендовали высаживаться на Уйлоа, но он с негодованием отверг эту мысль, и теперь для него готовили специальное снаряжение, чтобы максимально уменьшить приносимый радиацией вред. Лаон Саонс считался душой и мозгом всей экспедиции, он всю жизнь занимался историей и культурой Уйлоа, выучил наизусть топографию, освоил методы археологии – и вдобавок он был тестем Ульвена, так что остановить его не сумел бы даже Межгалактический научный совет.

Кроме всех перечисленных, в команду включили двух археологов из Виссеванского университета, которые помогали когда-то Лаону Саонсу оформлять заявку на первую, так и не состоявшуюся, экспедицию. Их зовут Мендарруихх и Адванаирра Нашшударран, они супруги зрелого возраста – по человеческим меркам, лет сорока пяти. Именно им предстоит работать, как говорят археологи, «в поле». Хотя виссеванцы не так уязвимы для радиации, как люди, защита им тоже требуется. И сейчас изготавливается уникальное оборудование: малый купол с противорадиационной защитой, под которым будут проводиться раскопки. При необходимости купол можно легко разобрать и передвинуть на другой участок. Всё, что происходит под куполом, будет транслироваться на борт «Гране», где Лаон Саонс будет руководить раскопками, комментировать смысл находок и систематизировать информацию.

Я тихо радуюсь, что Карл пока остается со мной. За барона Максимилиана Александра мне, конечно, тоже очень тревожно, но лучше уж я буду его ободрять, чем пророчить дурное. Как всякая женщина, я хотела бы сохранить своих близких рядом, а как разумное существо понимаю, что нельзя удержать навсегда даже собственного ребенка. Отпустили же меня в свое время мама и папа сюда совершенно одну, пятнадцатилетнюю, не питая больших надежд когда-нибудь встретиться. И барон разрешил восемнадцатилетнему сыну летать на чужих кораблях, – правда, это едва не закончилось инвалидностью после аварийной посадки тактайского космолета. Но космос есть космос. Я знаю, как он к себе манит. И я уже обещала, что после возвращения «Гране» с Уйлоа мой Карл полетит, куда ему будет угодно.

Наконец, день настал. Мы простились с экипажем «Гране».

Перед этим состоялось несколько торжественных проводов. В доме семьи Киофар принц Ульвен провел церемонию у очага – благословение космоплателей, барона Максимилиана Александра и Лаона Саонса. Их инопланетные коллеги присутствовать там не могли, но мы с Карлом, естественно, были приглашены. На прощальном приеме в Тиамуне, напротив, собрались все желающие, и их оказалось так много, что я сама удивилась. Оба со-ректора и весь административный штат ректората, помогавший оформлять документацию; сотрудники космодрома; преподаватели и студенты почти со всех факультетов. Наконец, в космопорте, куда допустили лишь представителей власти и родственников, были профессор Уиссхаиньщц (как со-ректор и как куратор Тиатары), Ульвен с сестрой и женой, доктор Келлен Саонс, Ассен Ниссэй – и, естественно, мы с Карлом и мой папа (дети остались на попечении няни Наджинды).

Предполетная подготовка уложилась в какую-то пару часов: все участники экспедиции заранее сдали нужные тесты, и требовалась лишь небольшая дополнительная проверка. Вскоре их доставили на борт «Гране», где каждый занял свое место – действия и движения были отретированы до полного автоматизма.

Мы, провожающие, наблюдали за стартом «Гране» со смотровой площадки на верхнем этаже отеля при космопорте. Хотя сам космодром находится на значительном отдалении от площадки, обзор оттуда великолепный, особенно при ясной погоде. С погодой нам повезло: никаких облаков, ветер ровный и очень умеренный. Всё видно отлично. К тому же происходящее на космодроме транслируется на огромные мониторы, установленные по периметру застекленного зала. Мы с восхищением наблюдали, как «Гране» взвился в лилово-синее небо и через считанные минуты исчез. Поступавшие с космолета данные говорили о безупречной работе всех систем знаменитого корабля. Отметив удачный старт экспедиции в ресторане отеля, мы разлетели и разъехались по домам и рабочим местам.

Связь с «Гране» поддерживается через специальное оборудование, имеющееся в космопорте. Оттуда сведения транслируются в Тиамун, в узел межгалактической связи при ректорате. И лишь потом кое-что сообщает нам Ульвен, периодически собирающий нас у себя в Тиастелле при закрытых дверях. Уиссхаиньщц, несомненно, знает об этих собраниях, но не выказывает недовольства, поскольку новости о полете «Гране» не распространяются дальше стен этого дома.

Встречаться часто не позволяют чрезвычайно плотный график Ульвена и не совпадающие с ним расписания все остальных. Не работает только Иссоа, но на ней весь дом, и она прекрасно с ним управляется при помощи госпожи Оллайи и Танджи. Кстати, Танджи вышла замуж и уже успела стать мамой; пока она не могла выполнять свои обязанности в доме семьи Киофар, это охотно делала ее мать Ваканда. Теперь мать и дочь иногда подменяют друг друга, а иногда приходят вместе. Однако во время наших разговоров об экспедиции они никогда не присутствуют. Самое важное происходит без посторонних.

Карты судьбы

Первое же наше собрание после отправления экспедиции принесло сенсационные новости. Нет, цивилизацию алуэсс пока не открыли, прошло слишком мало времени. Новости вообще оказались связаны не столько с Уйлоа, сколько с Лиенной.

Мы расположились в парадном зале: Иссоа, Илассиа, Маилла с Ассеном, мы с Карлом, два доктора Саонса – Келлен и Эллаф, и, конечно, Ульвен. Экран для просмотра материалов был расположен над очагом, что придавало всему совершенно особую атмосферу – речь ведь шла о прародине всех уйлоанцев, об их навеки угаснувшем очаге во Вселенной. Экспедиция считалась сугубо научной, однако информация оставалась пока еще строго конфиденциальной. Ваканда и Танджи, накормив нас обедом, ушли, а сервировку десерта взяла на себя госпожа Оллайя, заверив, что это ей в удовольствие, а не в тягость. В доме издавна имелось два робота-официанта. Иссоа их не любила и пользовалась ими крайне редко, но мне они казались забавными. Госпожа Оллайя нагружала подносы бокалами и вазочками, роботы же развозили их, останавливаясь возле каждого гостя.

«Почти как транспортные космолеты», – заметил Карл.

Мы посмеялись, однако все жаждали не лакомств, а новостей от участников экспедиции.

«Гране» благополучно вышел на орбиту Уйлоа и планомерно осуществлял оттуда съемки поверхности. Да, планета выглядела из космоса совершенно мертвой, без воды и без атмосферы, примерно как Марс до начала колонизации. Но, в отличие от нашего Марса, возвращать Уйлоа к жизни никто не планировал: звезда Ассоан неуклонно двигалась в сторону взрыва. И совершенно не важно, что до этого момента прошли бы еще миллионы лет. Уцелеть тут ничто не могло. С астрономической или планетологической точки зрения Уйлоа не представляла для Межгалактического научного совета никакого особенного интереса: таких пустынных миров во Вселенной – неисчислимое множество, и немалое количество из них хорошо изучено. Строить здесь транспортный узел, как на Арпадане, тоже нецелесообразно: Уйлоа находится в стороне от давно проложенных трасс.

Единственное, ради чего Совет согласился финансировать экспедицию – это культурное и историческое наследие Уйлоанской империи, которое лишь частично, буквально по крохам, оказалось перенесенным на Тиатару и на Лиенну. В условиях экстренного спасения избранных жителей (а отбор оказался строгим) посланцам Межгалактического альянса было не до архитектурных шедевров и археологических изысканий.

Когда накопилось достаточно материалов съемок Уйлоа с орбиты, профессор Лаон Саонс с помощью двух археологов-виссеванцев проделал невероятно захватывающую работу. Каждый фрагмент поверхности был совмещен со старинными картами, полученными с Лиенны. Кое-где изменения рельефа оказались настолько значительными, что обе карты не совпадали. В других случаях можно было установить, какие объекты исчезли, а какие возникли. Исчезли, в первую очередь, океаны, моря, озера и реки. Прежние острова оказались горами, впадины – каньонами и пропастями, отмели – хребтами и перешейками. Что касается континентов, то все внимание было пока что обращено на Фарсан, на котором располагалось сердце погибшей империи – ее столица Уллинофароа, с императорской резиденцией и главными учреждениями.

Не могу найти подходящих слов для описания виденного. Зрелище было настолько невероятным и потрясающим, что у меня проступили слезы. Я помнила, как Ульвен однажды сказал, что не хотел бы увидеть свою потерянную прародину, превратившуюся в мертвый мир. Теперь ему пришлось это лицезреть, пусть не наяву, а на экране. На наших глазах сегодняшний мрачный облик Уйлоа, пустой и безжизненной, превращался в зримый образ цветущей, хотя заведомо обреченной на гибель цивилизации, в которой были прекрасные города, мор-

ские порты, дороги, сады, уголья, а где-то подальше – пространства, отданные под казармы, военные полигоны и единственный космодром. Космопорта, как здесь, на Уйлоа не строили, пассажирского сообщения с дальним космосом не предполагалось – космос считался источником враждебных сил.

Современная техника позволяла создать почти незаметные переходы от нынешних компьютерных трехмерных съемок с топографической разметкой к старинным плоскостным картам – и к последним видеосъемкам и фотографиям погибавшей, но еще не разрушенной столицы, Уллинофароа. Лаон Саонс, комментируя ролики, объяснил, что работа по совмещению карт и визуализации разных объектов нужна вовсе не для ностальгического любования: теперь экспедиции будет понятнее, где разумнее начинать раскопки. Детализация позволяла действовать не наобум, а в конкретном, довольно компактном, квадрате.

– Почему же этого не догадались сделать раньше? – несколько недоуменно спросила Илассиа, когда мы дважды просмотрели все ролики.

– Дорогая моя, я потом вам скажу, во что обошлась экспедиция, – ответил Ульвен. – Лучше не произносить таких чисел вслух, они звучат неприлично.

Я представила, как они в супружеской спальне страстным шепотом обсуждают смету полета «Гране», и невольно хихикнула. Карл сам не сдержал улыбки, потому что мы тоже с ним занимались в постели не только всякими нежностями, но и разговорами на самые отвлеченные темы, вплоть до устройства современных космических двигателей.

– Думаю, оставаясь в ранге всего лишь профессора, господин Киофар не смог бы организовать всё это, как ранее не смог и ваш почтенный отец, госпожа Илассиа, – сказал доктор Келлен Саонс.

– Полномочия со-ректора Тиатарского университета оказались весьма кстати, – согласился Ульвен. – Но они же и создали мне немалые осложнения.

– Какие? – спросила Маилла. – Ты поссорился с кем-то из бюрократов? Они придрались к тому, что космолингвист снаряжает археологическую экспедицию?

– Да хоть бы астрономическую! Дело вовсе не в этом.

– А в чем?

– В старых картах и исторических съемках, пришедших с Лиенны.

– Извините, учитель, а разве на Тиатаре таких материалов не было? – задала я наивный вопрос. – Помнится, в «Кратком очерке истории Уйлоа» какие-то карты присутствовали.

Он взглянул на меня как на глупую первокурсницу и с усмешкой ответил:

– Милая Юлия, там совершенно не тот масштаб. На «Солле» не оказалось подробных карт Уйлоа, поскольку старт космолета, как вы помните, предполагался пробным, без полной загрузки. Все карты остались в императорском дворце Уллинофароа. Потом их, очевидно, захватили восставшие. И у тех нашлись предводители, понимавшие ценность этих сокровищ. Для толпы карта – просто бумага с непонятными знаками. На такое никто не польстится. Зато знающий постарается сохранить и даже взять с собой на другую планету. Карты весят немного, их можно оцифровать. И на их основании возвести те же самые города в новом мире, отдаленном от погибшей прародины на миллиарды парсек.

Поскольку никто из нас не понимал, к чему он ведет, Ульвен, окинув наш притихший кружок невеселым взглядом, продолжил:

– Чтобы получить без проволочек все эти материалы, карты, фото и прочие изображения, мы были вынуждены официально обратиться к властям Лиенны, объяснив, зачем нам это нужно, и в каких целях будет использовано. Некоторые документы, особенно карты, почему-то до сих пор считаются там секретными, хотя я не вижу в том ни малейшего смысла. Другие, как ветхие и уникальные, не подлежат копированию. Для нас было сделано исключение, причем все материалы оказались доставлены очень быстро, а учитывая расстояние до Лиенны – почти

мгновенно. И причиной оказалась не просьба Межгалактического совета, не научная важность экспедиции «Гране», а подпись одного из со-ректоров Тиатарского университета.

– Ульвен Киофар Джеджидд?.. – сказала Илассиа.

– Да, моя дорогая. Теперь они знают, кто я и где я.

– И... какие будут последствия?

– Вероятно, очень существенные.

– Рано или поздно это должно было произойти, – сказала Маилла.

– Я предпочел бы не раскрывать свое имя до того момента, как это станет совершенно необходимо. Но утаить его не получилось. Свои научные тексты я мог спокойно распространять по всем инфоцентрам как «профессор Джеджидд». А как со-ректор университета, вдобавок один из гарантов соблюдения всех соглашений по экспедиции, включая финансовые и юридические, я уже не имею права подписываться псевдонимом. Мой коллега профессор Уиссхаиньщц отказался ставить лишь одну свою подпись, если там не будет моей.

– Ох, и вредный же, – вздохнула я.

– Юлия, он несколько не вредный, и всё справедливо. Экспедиция была нашей с вами общей идеей, коллега Уиссхаиньщц много сделал для ее скорейшего осуществления, и с его стороны я встречал лишь заинтересованную поддержку. Но с какой же стати он должен в одиночку подписывать документы, которые составлялись, по сути, не им?.. Это было бы просто нечестно ни с какой стороны. Наши с ним коллегиальные взаимоотношения не предполагают интриг и неискренности.

– Да уж, вообразить себе интриганом можно скорее Уиссхаиньщца, но никак не Ульвена, – согласилась Маилла. – Но всё-таки, дядя, мне кажется, ты иногда слишком скрытен.

– Для этого есть причины, дорогая племянница. Мы, космолингвисты, знаем цену словам. Какими-то словами можно поиграть на досуге, какими-то лучше не надо – здесь нужно уметь останавливаться. А есть слова, которые произносить без особой причины вообще нельзя. И это вовсе не бранная лексика.

– Церемония у очага, – понимающе кивнула я.

– Императорский титул, – добавила Илассиа.

– Вам предоставили эти карты, потому что признали в вас законного императора? – спросил доктор Саонс.

– Именно так, – подтвердил Ульвен. – Запрос от Межгалактического совета мог бы долго лежать без движения или даже наткнуться на учтивый отказ. Хранители документации просто великие мастера в этом деле. С годами они превращаются в касту, и у них возникает уверенность, что никому ничего никогда выдавать не следует. Но, по местным законам, музей и архив – Императорские. Мне они не могли не прислать документов, потому что я – в своем праве. Впрочем, о формальном признании сана речь пока не идет. Оно неосуществимо без моего недвусмысленного согласия. Поэтому, помимо исторических материалов и надлежащего сопроводительного письма на адрес Тиатарского университета, я получил и особое именное послание.

Он щелкнул пультом и вывел его на экран.

Появилось факсимиле, стилизованное под старинную грамоту на изысканной зеленоватой бумаге, написанное вычурным каллиграфическим почерком по-уйлоански. Всё письмо, от внешнего вида до витиеватого слога, выглядело как артефакт из далекого прошлого. Сам язык мне тотчас напомнил церемонию у очага, где меня тоже именовали «благороднорожденная, славночистая и высокомудная дева» – но в устах моего дорогого учителя это звучало скорее возвышенно и поэтически, чем старомодно и официозно. Здесь же господствовала такая архаика, что слова «университет» и «профессор» смотрелись как чужеродные общему стилю, но без них нельзя было обойтись.

«Аммоз уликаноэссиэ уликао»...

«Его императорскому высочеству, принцу-иерофанту Уйлоа, Тиатары и Лиенны, высочороднейшему господину Ульвену Киофару Уликенссу, известному от края до края Вселенной как первый из двух управителей Тиатарского Межгалактического университета и как прославленный велемудрый знаток всех суицих наречий, профессор Джеджидд»...

Далее от имени правительства и народа Лиенны обладателю всех этих пышных титулов предлагалось посетить планету в любой назначенный по его августейшему усмотрению срок, дабы осчастливить своих верных подданных благосклонным принятием императорского сана, который неоспоримо принадлежит ему по праву рождения, и удостоить Лиенну изъявлением своей воли относительно новых прекрасных и справедливых законов, а также вкусить отвечающие всем его величайшим достоинствам почести и удовольствия.

– Ты полетишь туда? – спросила Иссоа.

Мне показалось, он ответит сейчас своей давней фразой – «Я же не сумасшедший»...

– Возможно, – сказал он почти обреченно. – Но попозже. И только ради тебя.

– Браат, не наадо! – взмолилась Иссоа. – Пусть останется так, как есть!

– Так, как есть, уже ничто никогда не останется, – возразил он. – Мы отмечены на картах судьбы, и до нас докопаются непременно.

– Хорошо. Тогда я поеду с тобой!

– Вероятно, придется пойти и на это, – сказал он с пугающей мрачностью, но тут же сменил тон на более мягкий и даже мечтательный: – Если нам всё-таки доведется там оказаться, то моим первым и самым прекрасным законом станет сложение всех моих полномочий и возведение на престол новой императрицы – Иссоа.

Видел бы он, с каким ужасом взирал на обоих Эллаф Саонс, несчастный влюбленный. Для него это был приговор.

Находки на острове

«Гране» прибыл на орбиту Уйлоа. Основные раскопки планировались на территории императорского дворца в столице, Уллинофароа, расположенной почти в центре материка Фарсан. Но до этого профессор Лаон Саонс предложил разведать совершенно другую область – материк Сеннар и океан между ним и Фарсаном. Ведь, если экспедиция занята поисками следов уйлоанских океанид, разумно обратить внимание на острова или на то, что от них уцелело. Сеннар (в местном варианте произношения – Сеннай) заслуживал изучения сам по себе. Большинство лиеннских переселенцев были выходцами оттуда, в том числе предки Лаона Саонса.

На Сеннаре когда-то сложилась культура, в которой превыше всего ценились искусства и знания. Процветала там и торговля, тоже требовавшая ума, расчетливости и отточенных навыков: знать цену вещам, уметь договариваться, создавать сети поставщиков и учить всему этому младших помощников.

Обитатели континента Сеннар обладали миролюбивым нравом, из-за чего их полностью поработили уроженцы Фарсана, где властвовали воинственные императоры. Многие выдающиеся ученые Уйлоа имели сеннайское происхождение, даже если работали в императорских учреждениях Уллинофароа и в других городах Фарсана. Не хочу вдаваться в подробности и загромождать мой рассказ уйлоанскими названиями и именами, но это обстоятельство оказалось важным и для истории Тиатары. Даже девичья фамилия Маиллы, «Сеннай», говорит о том, что дальний предок ее отца, господина Иллио, принадлежал к исконным сеннарцам (иначе, сеннайцам), хотя никакой особой ученостью не обладают ни сам господин Иллио, ни его здешняя родня – все они заняты предпринимательством (видимо, в них сказалась склонность сеннайцев к коммерции).

Предложение Лаона Саонса одобрили, но «Гране» не собирался совершать там посадку. Это слишком затратно, да и рискованно. На поверхность сначала отправили автоматические дроны-разведчики, а затем пилотируемый флаер-челнок.

Один из островов оказался особенно примечательным. Съемки с воздуха выявили нечто похожее на следы рукотворных сооружений, причем необычных. Обнаруженные «ступени», «террасы» и «стены» должны были бы находиться под уровнем океана. Сейчас, когда океана больше не существовало, они стали видны. Издали, впрочем, руины могли сойти и за естественные образования – нагромождения каменных плит и результаты воздействия сильных прибоев.

На картах, полученных с Лиенны, остров отсутствовал.

Барон Максимилиан Александр склонялся к мнению, будто заснятые дронами остатки архитектурных сооружений – аберрация зрения. Профессор Лаон Саонс не соглашался, и археологи-виссеванцы поддержали его: руины не выглядели хаотическими.

«Гране» завис на стационарной орбите, и на остров послали флаер (назову его так, хотя на самом деле это маленький космолетик, а не те простые машинки, которые летают над Тиатарой). В корабле находились Саттун и Мендарруихх, пилот-космолингвист и археолог.

Для посадки флаера на острове было достаточно места. И почти сразу же стало ясно, что неровные «стены» – действительно архитектурное сооружение из природного камня. Примерно такими же стенами была изначально окружена Тиастелла на Тиатаре.

Мендарруихх послал на «Гране» запрос: еще раз посмотреть на совмещенных картах, что это за поселение. Ответ Лаона Саонса подтвердил картографическую аномалию. На картах не значилось ни самого поселения, ни даже этого острова. Проверили еще раз, уточнив координаты. Старинные карты молчали. Провели топографические измерения. Ошибки не выявили. Остров мог бы отсутствовать на лиеннских картах, если ранее его покрывала вода. Но, судя по

уровню, на котором находилась вершина с крепостными стенами, это было не так. Допустим, остров периодически захлестывали огромные волны, и тогда бы все здания оказывались под водой. Отсюда возникла версия, казавшаяся самой правдоподобной: стены когда-то построили уйлоанцы, использовавшие остров как стоянку для кораблей, а потом были вынуждены забросить – из-за часто повторявшихся катастроф. И всё-таки даже в этом случае его следовало обозначить на картах как опасное для мореплавателей место. А он не был отмечен, словно о нем вообще ничего не знали. Или нарочно умалчивали.

Возникло искушение сразу наречь его «Островом алуэсс». Но для такой идентификации пока не было никаких оснований. Стоило лишь представить себе женственное существо вроде Иссоа, сооружающее своими нежными пальчиками массивную крепостную стену, как с этой версией приходилось расстаться. Тут требовался либо тяжелый труд очень сильных мужчин, либо довольно мощная техника.

Саттун и Мендарруихх обнаружили в стене нечто вроде ворот, а за ними – плохо сохранившуюся, но всё-таки кое-как различимую лестницу. Ступени, то пропадавшие под завалами щебня, то растрескавшиеся пополам, уводили вниз, в океан. Запустили дрон, съемка с которого транслировалась на мониторы и обоих исследователей, и команды «Гране». Лестница вела к подводной террасе. С другой стороны виднелся ряд пещер – сходных между собой по размерам и расположенных слишком равномерно, чтобы считаться созданными природой.

Мендарруихх решил спуститься туда, задействовав реактивный ранец скафандра, а Саттун пусть останется наверху для страховки и связи с «Гране».

Пещеры тоже оказались искусственного происхождения. Две первые зияли мертвенной пустотой. В третьей Мендарруихх нашел почти распавшиеся остатки некоего аппарата, который мог быть батискафом или маленькой подводной лодкой. Он тщательно заснял артефакт, насколько это позволяло узкое пространство пещеры, но не трогал находку, опасаясь, что от любого движения всё рассыплется в пыль. Дальше шли еще три пещеры, в которых обнаружили чьи-то кости – хаотически сваленные и покрытые пылью. Из них, вероятно, можно было бы составить скелеты, но это требовало длительной и тщательной работы. Мендарруихх скрупулезно зафиксировал всё увиденное и позволил себе осторожно поднять с земли лишь останки, лежавшие на поверхности. Насколько он разбирался в анатомии уйлоанцев, кости попадались как мужские, так и женские. Находки были измерены и засняты, но брать их с собой виссеванец не счел целесообразным. По прошествии стольких веков генетический материал из костей извлечь не сумел бы даже самый искусный биолог. А из-за сильной радиоактивности и чрезвычайной хрупкости костного материала потребовались бы особые капсулы для доставки образцов на «Гране». Капсулы у исследователей имелись, однако их могло потом не хватить для более важных объектов. Костей же, как думалось, на Уйлоа будет найдено еще предостаточно.

Мендарруихх предположил, что подводные помещения использовались либо как убежище от нападения, либо, наоборот, как тайное укрытие, из которого совершались атаки на внешних врагов. Могло ли такое быть? Пещеры явно имели шлюзы и прочие коммуникации. Но ничего из этих устройств не сохранилось – лишь выбоины и пазы в скале.

Возможно, остров функционировал как военная база, и поэтому был засекречен настолько, что не значился на обычных гражданских картах. Однако, при всем оголтелом милитаризме последних уйлоанских Уликенов, странным выглядело существование военного гарнизона чуть ли не посреди океана, где не было никаких опасных врагов. Или были? Кто именно? Пираты? Морские хищники – «хассы»? А вдруг всё-таки алуэссы?.. Откуда в подводных пещерах кости женщин?.. Их там захоронили или они погибли насильственной смертью?.. Утопить алуэссу непросто. Алуэссы, согласно поверьям, могли находиться под водой очень долго. Так ведь и обычные уйлоанцы не только плавают, но и ныряют гораздо лучше других сухопутных существ, включая людей.

У команды «Гране» не сложилось никакого определенного мнения. Барон Максимилиан Александр полагал, что форт на острове ограждал Сеннар от пиратов. Приморские и островные цивилизации, как было давно известно историкам, обычно порождали пиратство, и так происходило почти во всех открытых доселе мирах.

Лаон Саонс посетовал на предвзятость и односторонность имеющихся исторических свидетельств. Ни про войны с пиратами, ни про наличие каких-либо повстанцев, ни про преследование алуэсс там не говорилось ни слова. Все труды по истории Уйлоа, как древние, так и создававшиеся на Лиенне, излагали только официально допускавшуюся точку зрения, чрезвычайно апологетическую по отношению к империи и к династии Уликенов. История империи преподносилась как триумфальное шествие от победы к победе, а целью правления Уликенов считалось торжество Императора над всеми врагами, включая инопланетных пришельцев. На Уйлоа эта идеология позволяла сплотить империю и считалась единственно верной, а на Лиенне она возродилась в форме восторженного поклонения всем традициям предков. Усомниться в чем-либо считалось если не преступлением, то порицаемым вольнодумством.

Сам Лаон Саонс не избег воздействия царившего на Лиенне культа империи, поскольку с детства привык почитать великое прошлое уйлоанцев и верить в существование «звездного императора» – существа, разумеется, смертного, но хранящего сакральный огонь всеобщего очага. «Теперь я существенно пересмотрел свою точку зрения на столь одностороннюю историческую концепцию, – признался профессор Саонс. – Однако это не значит, что я сколько-нибудь разочаровался в достоинствах его величества Ульвена Киофара Уликеннса Джеджидда, родство с которым – величайшая честь для меня».

– Только вообразите себе, супруг мой, – проронила Илассиа, – что мы с отцом должны были чувствовать, когда встретили вас наяву в Виссеванском университете!

– Но сейчас-то вы убедились, моя дорогая, что я существо из плоти и крови, и неспособен творить чудеса, – ответил Ульвен. – И категорически не желаю, чтобы мне поклонялись.

– Мне-то можно? – слегка усмехнувшись, спросила я.

– Зачем? – искренне удивился он. – Уважения совершенно достаточно. Да и то я предпочитал бы, чтобы коллеги указывали мне на изъяны в моей работе.

– С вами просто бояться связываться.

– Почему? Ни склонность, ни мстительность мне, я надеюсь, не свойственны. Я сделал выводы и стараюсь, как вам бы хотелось, поменьше «тиранствовать» на занятиях. Но времени у меня очень мало, и разговоры на посторонние темы немедленно пресекаются. Это касается и коллег, и студентов.

– А можно мне посещать ваш курс поэтического перевода?

– Если вам нечем больше заняться, пожалуйста. Расписание плавающее, уточните у декана Темары Ассур. Все занятия дистанционные, мне некогда ездить в колледж. Только будьте добры, дорогая, готовьте задания наравне с остальными, хоть вы и магистр.

– Что вы сейчас проходите?

– Самое интересное для вас мы уже прошли. Это были ликанийские тексты, привезенные Карлом и его отцом, господином бароном. Гимны Гуош-и-Дакры вы тоже знаете, сами переводили.

– А какое было последнее задание?

– Та самая «Лорелея»

– «*Ich weiss nicht, was soll es bedeuten?*» – процитировал первую строку Карл.

– Да, мой друг. Студенты спросили, откуда взялся псевдоним «Лорелея». У нашей скромной певицы немало поклонников.

Ульвен с любовью взглянул на Иссоа. Она смутилась от невольно прихлынувшей гордости.

– Может быть, уйлоанские алуэссы тоже кого-то губили, и поэтому их преследовали? – предположил мой муж.

– Я бы этого не исключал, – согласился Ульвен. – Но зато какую они породили поэзию!..

А потом вдруг сказал:

– Поэзия переживет все империи. Это главное, что надо знать. В том числе самому императору.

Сеннайские девы

Неожиданным образом доктор Эллаф Саонс вдруг стал магистрантом Тиатарского университета. У него, по сути, не было высшего образования, которое раньше медику на Тиатаре получить было негде, и он закончил лишь курсы врачей общей практики при Институте Тиатары и ординатуру в медицинском центре Тиастеллы, под руководством собственного отца. Поступать в университет как обычный студент он, возможно, не стал бы, но его проэкзаменовали и сразу взяли на предпоследний курс, с тем, чтобы он написал и защитил диссертацию.

Я осторожно осведомилась у доктора Келлена Саонса, чья это была идея. Он честно сказал: сам Эллаф ни о какой диссертации не помышлял, а его практически заставил это сделать «господин Киофар», который считал, что Эллаф талантлив и накопил достаточно много опыта и материалов – взять хотя бы восстановление Карла после аварии или нашу с Ульвеном реабилитацию. Некоторые методики придумал сам Эллаф, и незачем скромничать, а нужно распространить их в виде научных публикаций под собственным именем.

Мне же подумалось, что учитель мог преследовать сразу две цели. Во-первых, отвлечь Эллафа от безнадежной страсти к Иссоа, предполагаемой императрице Лиенны. Хотя Эллаф держал свои чувства в себе, на него было грустно смотреть, а закрыть перед ним двери дома семьи Киофар было бы невозможно без тягостных объяснений. Тогда Ульвену пришлось бы отказать в своей дружбе и доктору Келлену Саонсу, и госпоже Оллайе – то есть незаслуженно оскорбить их. Во-вторых же, похоже, Ульвен предполагал какое-то продвижение Эллафа вверх, по крайней мере, в научной карьере. А значит, безмолвный поклонник Иссоа был ему небезразличен. Какое будущее его ожидало, вероятно, не знал сейчас и Ульвен. Однако принц взял Эллафа под свое покровительство, раз уж не просто посоветовал написать диссертацию, а «потребовал». В таких случаях остается лишь повиноваться.

Я не решалась расспрашивать, обсуждалось ли всё это между сестрой и братом. Но я помнила наш очень давний разговор на яхте «Илассиа», когда Иссоа спросила, сможет ли она выйти замуж за того, кого хочет, если станет принцессой-наследницей. Ульвен ей честно ответил – «нет», добавив, что догадывается, кто ее избранник, и он ему, в сущности, нравится. Если теперь она согласилась принять высший титул, означало ли это, что она отреклась от Эллафа?.. Почему-то мне в это не верилось. Во время наших встреч в доме семьи Киофар, если присутствовали они оба, Эллаф и Иссоа, я, даже не видя воочию пресловутое «сюон-вэй-сюон», единение душ, ощущала между ними тайный ток подавляемой страсти. При этом взаимное тяготение Иссоа и Эллафа внешне не проявлялось никак. Они обычно располагались в разных углах, она рядом с братом и его супругой Илассиа, а он где-нибудь подальше. Естественно, они никогда не прикасались друг к другу и даже не разговаривали напрямую. Эллаф, оставаясь на почтительном отдалении, не мог удержаться от восхищенного созерцания недосягаемой возлюбленной, но сама она на него не смотрела и тщательно следила за тем, чтобы их взгляды не пересекались. Уже в этом чувствовалась некая нарочитость. С другими Иссоа была куда более ласкова.

Что она на самом деле переживала, оставалось только гадать. Насколько я понимала ее натуру, Иссоа, с детства приученная к благородной сдержанности, была не склонна к тем отчаянным поступкам, на которые ради любви оказалась способна Илассиа. Наша кроткая алуэсса ни с кем не делилась сердечными горестями, изливая их только в песнях. Брат не мог об этом не знать. Но также не мог ничего с этим сделать. Он мог лишь переводить со студентами балладу про Лорелею.

Я заговорила обо всем этом в связи со второй нашей общей встречей, где нас познакомили с очередными материалами экспедиции «Гране».

По мере продвижения исследований становилось всё очевиднее, что средств и времени, отпущенных на экспедицию, катастрофически мало, и на данном этапе изучение погибшей планеты может быть лишь очень беглым.

По-хорошему, нужно было бы основательно изучить все находки на таинственном острове, а заодно осмотреть и другие отдельно стоящие острова и архипелаги. Но островов оказалось много, не все фигурировали на старинных картах, а «Гране» не мог совершать посадку то там, то там – это же огромный корабль, не челнок и не флаер-разведчик.

Из того, что в команду входило лишь шестеро, несведущий заключил бы, что «Гране» имел небольшие размеры, но это не так. Поскольку корабль изначально строился как исследовательский, в нем было много разных отсеков научного и медицинского назначения со всей положенной техникой. Рассчитанный на длительные путешествия, «Гране» обладал автономностью. Это требовало запасов концентрированного питания, сложных устройств для круговорота воды и переработки органики, систем циркуляции воздуха и хранилищ для скафандров разного типа, от легких до самых громоздких, для выхода в космос. Кроме того, он нес в своем чреве два небольших спускаемых флаера-челнока, автономные дроны, зонды, роботов и машины для передвижения по поверхности. Разумеется, «Гране» не мог тягаться с каким-нибудь торговым тактайским судном, похожим издали на увесистый астероид. Однако наш космолет, оставаясь маневренным, был весьма внушительным по размерам. И предполагалось, что посадка будет только одна – на Фарсане.

Поэтому на Сеннар, как и на таинственный безымянный остров, был послан лишь флаер. На сей раз в команду вошли Хашшошш и Адванаирра Нашшударран, второй пилот и второй археолог.

Они исследовали то место, где некогда находился приморский город Меннао – самый крупный на побережье торговый порт. Обнаружить его не составило большого труда, карты точно указывали и границы города, и расположение гавани, причалов и главных зданий. Благодаря полученным с Лиенны старинным снимкам участники экспедиции даже знали, как выглядели сооружения до катастрофы.

У Лаона Саонса был свой интерес: он родился и провел юные годы в лиеннском Меннао – правда, на Лиенне город воссоздали на другом материке, и полного соответствия не получилось. Но основные топографические данные совпадали, и в них Лаон Саонс ориентировался свободно.

Территория города с портом и длинной косой, на которой некогда находился маяк, оказалась слишком обширной для столь маленькой группы. Пришлось использовать невероятные свойства аисян, послав на разведку Хашшошша. Он высвободился из скафандра и предстал в своем истинном облике – в виде сгустка искрящейся плазмы. Мы все зачарованно созерцали его превращение, потому что никто из нас, даже часто общавшихся с аисянами, никогда не наблюдал ничего подобного: обычно они оставались внутри оболочки, придававшей им сходство с прямоходящим существом, чаще всего подчеркнута антропоморфным.

Хашшошш промчался как молния между развалинами, занесенными песками, что-то попутно заснял и отметил на карте. Вернувшись же и снова облекшись в скафандр, предложил для начала сосредоточиться на остатках старинной башни, возвышавшейся на искусственном холме возле бывшего моря. На совмещенных картах это место значилось как «Морская ратуша». Перевод приблизительный, но функция здания была примерно такой: оно смотрело фасадом на океанский залив, имело общественное предназначение, и обслуживало те районы Меннао, которые имели отношение к порту.

«Морская ратуша» напоминала с воздуха пустую корону. Внизу – сплошные завалы. Стены частично тоже разрушены, хотя вполне различимы границы трех ярусов. Сохранились оконные и входные проемы в виде остроконечных арок. Исследователи решили начать с верх-

него яруса, взлетев туда на реактивных ранцах. Первым в бывшую оконную арку проник Хашшошш. Убедившись, что камни не рухнут, он позвал Адванаирру.

Вероятно, верхнее помещение некогда служило залом. Вместо пола – провал, напоминавший черную пропасть. Стоять было можно лишь в самой арке либо в углу, где виднелись остатки разрушенных перекрытий.

А далее нам показали нечто необычайное.

В проемах между окнами внутри зала сияли мозаики. Краски были необычайно яркими. Полудрагоценные камни, смальта, обводы из золота. Эти материалы рассчитывались на века. Они лишь покрылись пылью, но сохранились с незначительными повреждениями. Адванаирра принялась осторожно расчищать достигаемые фрагменты, а Хашшошш снимал шаг за шагом ее работу и общий вид композиции.

Мозаики изображали танец девушек. Их было шесть. Возможно, если смотреть на них глазами уроженцев Земли, они показались бы странными, но с уйлоанской точки зрения они были прекрасными. Все они чем-то напоминали Иссоа. Извивающиеся в танце тела – цвета нефритовой зелени, глаза – бирюзовые в золотых ободках, платья – полупрозрачные (халцедон и горный хрусталь, если сравнивать с земными минералами). Танцевали они, судя по цветам мозаики, не на суше, а на волнах океана (синяя смальта, малахит и ляпис-лазурь).

Надписей не было. Но было ясно, что это они. Алуэссы.

Комментарий оставшегося на «Гране» Мендарруихха звучал очень сдержанно.

Да, обнаружено замечательное произведение уйлоанского искусства. Да, мозаики чрезвычайно ценные и заслуживают дальнейших исследований. Очень жаль, что их невозможно сейчас изъять из полуразрушенной ратуши и перенести в какой-то музей. Да, скорее всего, на них изображены легендарные океаниды. По описаниям очень похоже. Однако это могло быть лишь фантазией на известную тему.

Комментарий Лаона Саонса содержал очень важные дополнения.

На Лиенне, где старались по возможности воссоздать культуру Уйлоа и ее самые знаменитые памятники, существует и подобие «Морской ратуши». Она точно так же находится на побережье, над морем, в Меннао. Профессор Саонс, конечно же, неоднократно видел это сооружение и бывал внутри. Оно служит общественным зданием, в котором проходят торжественные приемы, конференции и концерты. Верхний зал используют для банкетов, рассчитанных на особо важных особ. В остальное время туда допускают туристов – из зала открываются невероятно красивые виды на океан, городские окрестности и далекие горы.

Но стены зала в лиеннском Меннао украшают не мозаики, а росписи. Их цвета не столь яркие. И под ногами у девушек не густая синь океана, а цветущая зелень, как будто пляшут они на лугу среди трав. Сами фигуры на росписи выполнены с куда меньшим изяществом, чем на исходной мозаике. Это неудивительно: в старых источниках, спешно и несколько беспорядочно захваченных с собой переселенцами на Лиенну, нашлось лишь одно, не слишком отчетливое, изображение мозаик с сенайскими девами. Причем снимали фигуры дев не специально, фрагмент за фрагментом, а как фон проходившего там торжественного приема с участием самого императора Уликена Последнего. Естественно, при воссоздании интерьера «Морской ратуши» на Лиенне возникло много неточностей. В какой мере это случайность, а в какой мере результат преднамеренности, сейчас сказать невозможно. Девушки на лиеннских росписях – точно не алуэссы, зато сенайские, вероятно, изображали этих легендарных существ. Однако никаких доказательств их реальности по-прежнему нет.

– Ну как же? А гены Иссоа, Ульвена – мои, наконец? – удивилась Маилла.

– Мы не знаем, чьи это гены, – возразил ей Ульвен. – Ясно, что мы получили их от кого-то из наших предков. Но какое отношение он или она имели к алуэссам, остается лишь строить догадки. Пока это только версия.

– Выяснить истину помогли бы находки останков, – сказала Илассиа.

– Дорогая моя, но вы же сами видите, что задача невыполнимая. Вести раскопки в произвольном квадрате или двигаться хаотично, методом проб, сейчас невозможно. Скелеты и груды костей на погибшей планете будут встречаться на каждом шагу. Робот-разведчик не отличит окаменевшую органику от неорганики, а кости разумных существ – от костей морских обитателей. К тому же в команде «Гране» нет ни биолога, ни генетика.

– Да, супруг мой, к тому же останки, из которых можно извлечь генетический материал, в таких условиях не сохранились бы, – подтвердила Илассиа. – Все живые клетки на Уйлоа погибли. Разве что в самых глубоких трещинах могут найтись примитивные организмы вроде бактерий. Но это заведомо не то, что мы ищем.

– Есть другой вариант: отыскать документы, – заметил Ульвен. – Хотя это не менее трудно, чем найти следы алуэсс.

– Так ведь вот же они, как живые! – неожиданно воскликнула молчавшая до сих пор Иссоа. – Мне кажется, я умею танцевать этот танец, я слышу песню, под которую они пляшут!..

– Милая, это не аргумент для ученых, – охладил ее пыл Ульвен. – Мы захвачены изображением, пробуждающим в нас фантазию. Оно кажется нам реальным, – вернее, отражающим другую реальность, чем здешняя.

– Почему же она нереальна? – не сдавалась Иссоа. – Я ведь вправду похожа на них?

Тут в разговор вступил мой Карл.

– Liebe Issoah, liebe Freunde... – начал он по-немецки и тотчас запнулся, вспомнив, что разговор был на уйлоанском. Он уже хорошо понимал язык, но говорил на нем не свободно, стесняясь и своего топорного произношения, и ощутимой нехватки слов.

– Продолжайте, мой друг, пусть Юлия переводит. Или, хотите, я сам это сделаю, – предложил Ульвен.

Синхронить вызвалась я, хотя учитель, конечно, выступил бы в этой роли несколько не хуже.

Карл напомнил, что в древности на Земле существовало множество мифов о подобных прекрасных девах, считавшихся малым божествами или духами разных стихий. У греков они назывались нимфами.

– То же самое слово обозначало невесту, – блеснула я эрудицией, ввернув свою реплику в перевод.

– Нимфы, – невозмутимо продолжил Карл, – имели детальную классификацию, как если бы речь шла о реально существующих биологических видах. Исследователи земной цивилизации, прилетевшие с какой-нибудь другой, весьма далекой планеты, легко могли бы принять все эти термины за научные описания, пусть и древние. Ореады, дриады, альсеиды, лимнады, наяды, nereиды, геспериды, океаниды... В древних текстах упоминалось о людях, которые не только их видели, но и вступали с ними в любовный союз или в брак. Нимф очень часто изображали на вазах, стенах, украшениях, а в более поздние времена – мозаиках вроде этой, на картинах, в виде рельефов и статуй. Едва ли не каждый хорошо образованный человек на Земле до сих пор представляет себе, как могла бы выглядеть нимфа. Обычно это прекрасная юная девушка с длинными волосами, нагая или одетая в легкие развевающиеся одежды – вроде тех, что на мозаике из Меннао. Так их изображали веками и тысячелетиями. Но никто на самом деле не видел реальных нимф. Это миф. Почему он возник, я не знаю.

– Каарол, ты хочешь сказать, что я сказка, и меня нет? – удивилась Иссоа. – А кто же тогда с тобой пел и играл тебе на виолينو?..

– Сестра моя, речь не о том, – ответил ей Ульвен вместо Карла. – Ты, конечно же, есть. И ты не такая, как все. У тебя больше сходства с теми сенайскими девами, чем с твоей родной сестрой Ильоа.

– Господин Киофар, а можно задать дерзновенный вопрос: чем в вашей почтенной семье объясняли такое своеобразие облика госпожи принцессы Иссоа? – спросил доктор Келлен Саонс.

– Мама всегда говорила, будто я похожа на бабушку по отцовской линии, – объяснила Иссоа.

– Весьма приблизительно, – пояснил Ульвен. – У нашей бабушки, мамы отца, в самом деле были глаза зеленоватого цвета, но не столь яркие, как у Иссоа. И она никогда не пела при всех и не слагала песен, хотя любила наигрывать знакомые ей мелодии на стеклянном органчике – «мийон эреллай».

– А известно ли что-нибудь о наследственности в семье вашей бабушки? – поинтересовалась Илассиа.

– Конечно. Та семья тоже очень старинная и восходит к женской ветви семьи Киофар, – ответил Ульвен.

– Значит, гены уйлоанских алуэсс могли проникнуть к вам в том числе и оттуда?

– Могли, – согласился он. – Или же в Иссоа так удачно соединились две линии необычной наследственности. И с женской стороны, и с мужской.

– А исследовать это нельзя? – спросила Илассиа.

– Увы, – ответил Ульвен. – В живых уже никого не осталось. Тревожить дальних родственников покойной бабушки я не хочу, там заведомо нет алуэсс. Да ведь вы сами их видели, дорогая моя, они приходили на нашу свадьбу. Обычные старики и старушки, ничего примечательного ни в облике, ни в повадках. Даже мысль о возможном происхождении от алуэсс показалась бы им непристойной.

– Напрасно! – сказала Маилла. – Мне она нравится!

– Как бы хотела я посмотреть своими глазами на этих сеннайских дев! – вздохнула Иссоа.

– Мы все бы хотели, моя дорогая. Но нам туда никак не попасть. И доставить мозаики на Тиатару, вероятно, нельзя.

– Почему? – встрепелась она. – Браат, уговори своего Уиссхаиньщца, пусть пошлет туда аисян, а они уж придумают, как забрать такое сокровище! Оставлять этих дев погибать на Уйлоа – ужасно!

– Если бы всё решалось по нашему слову и разумению, то я так бы и сделал. Только ради одних мозаик второй корабль туда не пошлют. Это дорого даже для Межгалактического союза.

– Жаль...

Иссоа была страшно огорчена, как если бы речь шла о ее живых подругах и сестрах.

– Гораздо реальнее попытаться воссоздать здесь эти мозаики по полученным съемкам, – сказал Ульвен. – Хорошую копию изображения я на днях тебе сделаю – укрась свою комнату и разучивай танец, музыка которого смолкла в веках.

«Если»

Настоящих раскопок в Меннао не предполагалось. Ограничились лишь подробными съемками тех объектов, что обнаружались на поверхности, и сопоставили их нынешнее местонахождение со старинными картами. Разумеется, попадавшиеся археологам небольшие интересные артефакты забирали с собой, поместив в герметичные капсулы.

Далее «Гране» взял курс на Фарсан и на Уллинофароа.

Как обычно, на разведку выслали сначала беспилотные дроны, а потом флаер-челнок. Теперь полетели Хашшошш и Саттун. Их целью был поиск подходящей платформы для посадки «Гране» – достаточно ровной, просторной и при этом находящейся недалеко от императорского дворца. Такое место нашлось довольно быстро – бывшая площадь перед дворцом.

Руины дворца занимали большое пространство и даже в нынешнем виде смотрелись величественно. Площадь же, по словам профессора Лаона Саонса, обрамляли полукольцом каменные изваяния императоров, носивших одно династическое имя – Уликен. Все они походили друг на друга, как близнецы. Вероятно, индивидуальности облика избегали преднамеренно, дабы подчеркнуть непрерывность и неизменность императорской власти.

В лиеннском Уллинофароа статуи Уликенов воссоздали из довольно дешевого материала. На Уйлоа они изготавливались на совесть – из твердых пород вроде гранита или базальта. Но космос и время не пощадили трудов безымянных скульпторов. От статуй остались лишь приблизительные очертания. Снимок мертвой планеты с чередой безликих одинаковых истуканов произвел на нас сильное впечатление. «*Sic transit gloria mundi*», – вспомнила я старинное латинское изречение, и Ульвен понимающе посмотрел на меня – как знаток языков и как законный наследник погибшей династии.

Сама дворцовая площадь осталась ровной, хотя и покрытой слоем пыли, песка и разного мелкого мусора. С помощью роботов место для посадки космолета расчистили, и Хашшошш сообщил барону Максимилиану Александру о полной готовности встретить основной экипаж.

«Гране» благополучно сел на поверхность Уйлоа. Когда мы увидели этот момент на съемке, мы с Карлом даже захлопали в ладоши, как дети, и радостно обнялись. Наши друзья-уйлоанцы не проявляли эмоций столь бурно, однако тоже выглядели восхищенными и потрясенными.

Дальше началась подготовка к раскопкам. Дворец занимал обширную территорию, и требовалось для начала расставить по периметру маячки, чтобы потом накрыть его временным куполом – легким и не предполагавшим создание внутри настоящей искусственной атмосферы, но всё-таки защищавшим от губительного излучения Ассоана. Я уже видела купола жилых колоний на Марсе, Титане, Арпадане и на Сироне, они, конечно же, были намного мощнее и грандиознее. Но я никогда не становилась свидетельницей самого процесса их воздвижения. Это тоже захватывало, притом, что уйлоанский купол был по сравнению с ними словно бы невсамделишным – хрупким, как стрекозиные крылья, и изящным, как опрокинутый колокол.

Под куполом еще довольно долго трудились роботы-дезактиваторы. Снизить уровень излучения до вполне безопасного было в полевых условиях нельзя, но, по крайней мере, в руинах дворца стало возможно работать в относительно легких и гибких скафандрах, а не в тех громоздких сооружениях, в которых ранее высаживались на поверхность Уйлоа разведчики. Только Хашшошш мог передвигаться по планете без скафандра. Барону Максимилиану Александру, командиру всей экспедиции предписывалось оставаться внутри корабля, и он, как истинный добропорядочный немец, не пытался нарушить регламент. Поскольку на борт «Гране» постоянно велась трансляция, барон первым узнавал обо всех открытиях и находках, так что вряд ли он считал себя ущемленным.

Я не буду описывать процесса раскопок дворца шаг за шагом. Посторонним, возможно, это вовсе неинтересно. Упомяну о самом главном.

Учитывая тягу уйлоанцев к извилистым линиям, план дворца напоминал скорее улиткообразные завитки, складывавшиеся в многоуровневый лабиринт, чем обычную архитектуру, основанную на прямоугольниках и квадратах. Дом семьи Киофар в Тиастелле создавался примерно таким же по замыслу, только был намного более скромным по размерам и оттого визуально простым: всего два этажа под фигурно изогнутой кровлей, а от лестницы ответвлялись лишь два дугообразных крыла. С евклидовой геометрией (даже не имея понятия об Евклиде) уйлоанцы вообще-то в ладах, однако они находят все эти равносторонние фигуры скучными и некрасивыми, предпочитая подражать в искусстве и архитектуре живой симметрии или, наоборот, асимметрии листьев, морских животных и раковин.

Поскольку бывший дворец в Уллинофароа был почти точно воссоздан в одноименной столице Лиенны, профессор Саонс тщательно сделал многократное визуальное наложение уйлоанских руин – на старинную схему, на исторические изображения и на лиеннскую архитектурную копию.

Естественно, обнаружились расхождения между каждым из вариантов. Лаон Саонс объяснял это тем, что после фиксации первоначальной схемы дворец мог еще перестраиваться, и не все изменения отражены в общедоступных планах. К тому же, как показал пример «Морской ратуши» в Меннао, копия неизбежно оказывалась упрощенной и огрубленной по сравнению с оригиналом. Империя в самом блеске расцвета и ее бледный слепок, любовно, но с гораздо меньшими средствами и в гораздо более сжатые сроки созданный на совершенно другой планете, не могли считаться тождественными и равноценными.

И всё же проступавшее из руин величие впечатляло.

– Дядя, как тебе твой дворец? – чуть иронично спросила Маилла, когда напряжение, витавшее в гостиной, стало слишком давить на психику.

– Вряд ли я бы хотел там жить, – ответил Ульвен. – Впрочем, если бы не известные всем события, то дворец, вероятно, никогда не стал бы моим. Ты же помнишь, дорогая племянница, что наш дальний предок, Ульвен Киофар, был всего лишь младшим из принцев.

– А сколько их было всего? – спросил Карл.

– Трое, друг мой. Двое старших, согласно лиеннским историческим хроникам, погибли во время восстания. Возможно, их кости до сих пор лежат где-то в этих руинах.

– Вы знаете, как их звали?

– Конечно. Так же, как и меня. Имена в императорской семье чрезвычайно однообразны. Чтобы принцев не путали, к имени добавляли еще одно слово, вроде прозвища. Только оно было официальным и тоже связывалось с традициями династической ономастики. Старший принц – Ульвен Фарион Уликенс, средний – Ульвен Айофар Уликенс, младший – Ульвен Киофар Уликенс. Младший, напомню, выжил лишь потому, что его отрядили как представителя императорской семьи на «Соллу».

– И какова могла быть судьба того принца, если бы Ассоан не начал сжигать атмосферу Уйлоа, а империя продолжала бы развиваться безо всяких общественных потрясений? – полюбопытствовал Карл. – Простите, дорогой Ульвен, если мой вопрос слишком глуп, я не очень вдавался в подробности вашей истории.

– Младшие сыновья императора могли всю жизнь существовать лишь за счет своего высокого титула. Им назначалось значительное содержание, они имели право иметь свой маленький двор, их дети тоже считались принцами и принцессами. И, разумеется, все они проходили посвящение в иерофанты. По сути, это было единственным их сколько-нибудь полезным занятием, поскольку церемонии у очага, вроде здешних, устраивались во всей империи, и считалось особо почетным, если они проводились особами императорской крови. Однако младшим принцам не возбранялось и заниматься какими-то уважаемыми профессиями, кото-

рых, правда, для них предусматривалось очень немного. Прежде всего, они могли быть военными, хотя нередко получали чины и звания лишь номинально. В империи высоко ценились науки, и особы императорской крови занимались математикой, изобретательством, гидрологией или ботаникой. Принц Ульвен Киофар, наш предок, увлекался космической техникой, из-за чего, собственно, и оказался на «Солле». Возможно, если бы он не умер от лучевой болезни после стоянки на Тагме, он сыграл бы важную роль в освоении Тиатары. А так он оставил в наследство лишь генетический материал. Всё прочее – ритуалы, обычаи, династические имена, – примерно такая же вторичная копия, как и то, что сотворено на Лиенне. Разве что здесь – без такого размаха, как там. Можно сказать, по-домашнему.

– Вы по-прежнему не ощущаете себя императором, господин Киофар? – спросил вдруг Эллаф, до этого все время молчавший.

Я опять ждала, что он проронит то давнее «Я же не сумасшедший»...

– Теперь уже трудно сказать, – признался Ульвен. – Раньше не ощущал. И упорно сопротивлялся, когда мне пытались навязать то, чем я не являюсь ни по складу ума и характера, ни по сути вещей. Уйлоанской империи больше нет, мы играем в нее, – кто-то лишь иногда, во время торжественных ритуалов, а что-то всерьез, как диаспора на Лиенне. Мне неизвестно, почему империя постоянно прорастает на почве, вроде бы совершенно для нее не предназначенной. Тиатара, как все мы знаем, привержена принципу коллегиальности. Тем не менее, наши собратья не желают расстаться с традициями и настаивают на том, чтобы они сохранялись хотя бы в доме семьи Киофар. Это наша общая память о прародине всех уйлоанцев. И, коль скоро идея империи постоянно всплывает, видимо, она многим нужна. А стало быть, нужен и император, хотя бы как иерофант. Хранитель святынь. К этим своим обязанностям, как вы видели, я отношусь ответственно.

– Как и к ректорству, – добавила я.

– Ректором я тоже стал не по собственной воле, – напомнил он.

– Но и не возражали, когда вас выбрали.

– Почему я должен был возражать? Стать первым ректором – честь для любого ученого. Но дело не только в чести. Это очень большая работа. Отказаться взять ее на себя означало бы переложить всю ответственность на кого-то другого. А создание Межгалактического университета виделось мне куда более важным и полезным занятием, чем погружение в миф о бывшей империи и игра в императора-иерофанта.

– На латыни «ректор» и «император» – понятия сходные.

– Моя Юлия, вы решили меня просветить? – изумился он почти искренне. – Ну, тогда уж давайте вспомним этимологию.

– Извините, учитель, сглупила.

– А я не знала, – призналась Иссоа. – На уйлоанском эти слова звучат совершенно по-разному.

– Они и в латыни разные, и даже не однокоренные. Сходство лишь смысловое, – пояснил Ульвен. – Ректор значит «правитель», император – «отдающий приказы», «устроитель дел». Если коротко, «повелитель», однако здесь мы оказываемся в семантической сфере уйлоанского языка, где понятие, аналогичное императору, связано прежде всего с «величием» («уллиао»), «волей» («никкен»), «судьбой» («аккэй»), и лишь в силу этого – с управлением всеми и всем.

Мы с Маиллой, как космолингвисты, дружно кивнули, потому что для нас это было очевидным, но прочие словно бы впервые о этом задумались. Всё-таки наши ученые разговоры бывают порою нелишними.

– Если вы всё же окажетесь на Лиенне, господин Киофар, вас поселят в этом дворце, – заметил, возвращаясь к съемкам раскопок, доктор Келлен Саонс.

– «Если», – лаконично ответил Ульвен.

То ли умышленно, то ли случайно он повторил знаменитую однословную реплику древних спартанцев, которые послали ее царю Филиппу, который имел неосторожность написать им нечто вроде «Если я захвачу ваш город»... Не могу поручиться, что мой учитель знал историю Спарты. Но не могу утверждать, что не знал. Ведь он изучал в свое время и греческий, и латынь.

– А можно спросить, вы ответили на послание ваших лиеннских подданных? – прервал молчание Карл.

– Конечно, друг мой. Как я мог не ответить? Это было бы крайне невежливо. Стилистически всё было выдержано в той же самой велеречивой манере. У меня, пожалуй, вышло даже изысканнее, я же всё-таки специалист и сумел найти уйлоанские выражения для латинизмов «профессор» и «ректор». Но, по сути, я ничего не ответил. Кроме пресловутого «если».

– Ты надеешься, дядя, что они от тебя отстанут? – спросила Маилла.

– Разумеется, нет. Но мы можем выиграть время.

– Вы говорите так, супруг мой, – несколько недовольно сказала Илассиа, – будто речь идет вовсе не о почтительном приглашении посетить планету, на которой вас многие боготворят, а о жизни и смерти.

– Одно с другим тесно связано, – ответил он. – Но у меня есть дела в этом мире, Илассиа. И я не намерен его покидать, пока они не закончены.

Нам хотелось тогда поверить, что речь шла о Тиатаре. О колледже и об университете. О возвращении экспедиции «Гране» с Уйлоа. В конце концов, о каких-то семейных заботах.

Лишь Иссоа смотрела на брата с сострадательной нежностью.

Тайник

Экспедиция «Гране» оставалась главным событием нашей жизни, и все мы жадно ждали очередного приглашения в дом семьи Киофар. Всё прочее воспринималось как обыденный фон, о котором и говорить-то не стоило.

Впрочем, нет, не совсем.

Я всё-таки побывала на семинаре Ульвена по поэтическому переводу. Выглядело это, конечно, причудливо, потому что я, магистр Цветанова-Флорес, вместе с группой студентов, находилась в колледже, у него в кабинете, а он вел занятия из ректората в Тиамуне, и попутно, в паузах, письменно отвечал на какие-то поступающие извне сообщения. При этом его внимание ни на миг не ослабевало.

Он задал перевод «Лорелеи» Гейне. Каждый должен был переложить стихотворение на свой родной язык. Мне было стыдно являться неподготовленной, а поскольку русский текст с детских лет засел у меня в голове («*Не знаю, что случилось со мною, душа моя грустью полна*», и прочее), я решила попробовать срифмовать на испанском. Получилось, по-моему, сносно, хотя без дословной точности:

Siento lo que nadie aviste,
mi alma en la preocupación.
No sé por qué suena tan triste
una tan vieja canción.

Запнулась я лишь на последней строфе – завершение пришло на ум как наитие («el canto de Loreley»), но я никак не могла найти рифму к немецкому имени Loreley, – вернее, рифмы-то были, типа «la ley» и «el rey», но по смыслу они не годились: какое отношение могли иметь «закон» и «король» к рейнской нимфе-русалке?..

Однако до завершающей строфы мы на занятии не дошли. Застряли уже на третьей, где Лорелея расчесывает золотым гребнем золотые волосы. Для любого землянина смысл понятен. Но для инопланетных существ вся картина выглядит необычной и даже нелепой. У многих вообще нет волос (в том числе у моих друзей-уйлоанцев), у других всё тело покрыто шерстью, а цвет ее может быть разным, и зелёным, и бурым, и красноватым. Что такое гребень, им вовсе неизвестно. И почему золотая длинная грива вызывает в ком-то «дикую страсть». Это же физическая аномалия, а кое-где просто уродство (тут я тихо вздохнула, вспомнив про собственную шевелюру – подстриженную примерно до плеч, но довольно густую и буйную, правда, не золотую, а скорее всё-таки русую). В общем, Лорелеины косы вызвали среди наших студентов не менее живую дискуссию, чем когда-то загадочная «повилика» из стихотворения Блока, принятая поначалу за хвостатую живность.

В результате у каждого вышла своя Лорелея, иногда похожая на какое-то чудище, но идеалы красоты везде разные, так что смеяться над этим не стоит. Зато стихотворение разнесется теперь по Вселенной, и в этом – очередная заслуга учителя. Кстати, мой перевод он похвалил, посоветовав непременно доделать концовку и посулив, что если я буду двигаться дальше столь же успешно, он отдаст мне и этот курс (ой, не надо, куда же без вас?!)..

Свой собственный вариант он не стал нам показывать, отговорившись тем, что время семинара уже на исходе, и ему сейчас предстоит совещание с деканами университета. В его ректорском графике эти поэтические упражнения смотрелись как умственная забава, хотя, судя по всему дальнейшему, отнюдь ею не были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.